

Религиозная организация –
духовная образовательная организация высшего образования
«Владимирская Свято-Феофановская духовная семинария
города Владимира Владимирской епархии
Русской Православной Церкви»

Кафедра церковно-исторических и церковно-практических дисциплин

«ПАТРИАРХ СЕРГИЙ (СТРАГОРОДСКИЙ) И СВ. ЕПИСКОП АФАНАСИЙ
(САХАРОВ): ДВА ПУТИ ЦЕРКВИ В XX ВЕКЕ»

Выпускная квалификационная работа
студента V курса бакалавриата ВДС
Хижего Максима Леонидовича

Работа завершена:

“ ___ ” _____ 2022 г. _____ (Хижий М.Л., протоиерей)

Работа допущена к защите:

Научный руководитель

“ ___ ” _____ 2022 г. _____ (к.б. Сидоров А.А., иерей)

Заведующий кафедрой

“ ___ ” _____ 2022 г. _____ (к.и.н., Макарова Д.Ю.)

Проректор по научно-богословской работе

“ ___ ” _____ 2022 г. _____ (к.ю.н., Абрамов А.Е.)

Владимир 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В 1917 – 1927 ГГ.....	12
1.1. Поместный Собор 1917-1918 гг.: предпосылки возникновения движения «непоминающих».....	12
1.2. Декреты советской власти и репрессивная политика в отношении верующих.....	18
ГЛАВА II. МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ (СТРАГОРОДСКИЙ) И ЕПИСКОП АФАНАСИЙ (САХАРОВ): ОТНОШЕНИЕ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1925-1940 ГГ.	33
2.1. Начальный этап становления движения «непоминающих»: епископ Афанасий (Сахаров) и духовные лидеры движения.....	33
2.2. «Выборы патриарха» в 1926.....	48
2.3. Митрополит Сергей: Декларация 1927 года и фактическое оформление движения «непоминающих».....	51
ГЛАВА III. ПАТРИАРХ СЕРГИЙ (СТРАГОРОДСКИЙ) И ЕПИСКОП АФАНАСИЙ (САХАРОВ) В 1941 – 1946 ГГ.: КОНЕЦ ДИСКУССИИ.....	61
3.1. Отношение к Великой Отечественной войне.....	61
3.2. Поместный Собор 1943 года. Выборы Патриарха.....	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	71
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	74

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования состоит в том, что несмотря на детальную разработку церковными и светскими историками периода гонений на Церковь и верующих в 20-50-е годы XX века, остаются не до конца изученными отдельные события, роль в них различных церковных, общественных деятелей и рядовых участников эпохи. Одна из причин, побуждающих исследователей вновь обращаться, к казалось бы «закрытым вопросам», – введение в оборот новых источников, позволяющих увидеть уже исследованные события с иной стороны или дополняющие их новыми важными штрихами. В отличие от предшествующих периодов история прошлого века отличается наличием огромного количества письменных документов, которые своим массивом довлеют над любым историком данной эпохи.

Два пути существования Православной Церкви в условиях атеистического государства наиболее ярко представлены в деятельности двух выдающихся иерархов Русской Православной Церкви: Патриарха Сергия (Страгородского) и епископа Ковровского Афанасия (Сахарова). Принципиальным вопросом для них стала проблема отношения к советской власти и признание сложившейся ситуации в управлении Церковью в период гонений. Дискуссия привела к созданию движения «непоминающих».

Движение «непоминающих» вызывает пристальный интерес не только тем, что является частью трагической истории нашего отечества, но и тем, что его изучение, имеет практическую значимость для современной церковной жизни. В любую эпоху существуют и угроза церковных расколов, и питательная среда для их возникновения. Священноначалие, иерархия и духовенство постоянно подвергаются не только критике со стороны внешнего мира, но и испытываются на преданность Церкви и вере изнутри ее членами. «Вечный вопрос» о допустимости того или иного компромисса с «сильными мира сего» – гражданской властью, отношение к гонителям христиан,

границах соработничества с окружающим миром – всегда будут актуальными для верующих во Христа.

Отношение к движению «непоминающих» – это вопрос о том, как в реальной истории понимать «ревность по разуму», видеть разницу между ревнителем веры и раскольником, прочертить демаркационную линию между маргинальным движением и подвигом исповедничества веры.

Хронологические рамки исследования охватывают почти три десятилетия – от 1917 – Поместного Собора Православной Церкви, первых декретов Советской власти, Поместного Собора 1943 и избрание Патриарха Сергия (Страгородского), до признания в 1945 епископом Афанасием (Сахаровым) канонической власти Патриарха Алексия I (Симанского).

Несмотря на многочисленные документы оставленные участниками тех трагических событий, их духовный и мученический подвиг, современный историк церкви, подражая мудрости древних, должен помнить очевидную истину: «Никакой век не в состоянии написать своей собственной истории».

Степень изученности темы

Историография вопроса о деятельности Патриарха Сергия и его оппонентов движения «непоминающих» насчитывает десятки работ.

Движению «непоминающих» и эпохе атеистических гонений на Церковь в СССР посвящены многочисленные исследования. В 70-е годы прошлого века увидела свет книга «Трагедия Русской Церкви: 1917–1945», написанная советским религиозным диссидентом Л. Л. Регельсоном. Автор использовал данные, собранные в «Очерках по истории русской церковной смуты» Левитина и Шаврова, по всей видимости, он опирался также на неопубликованные архивы из собрания М. Е. Губонина. Несмотря на то, что взгляды Льва Регельсона сформировались под влиянием диссидентского движения 70-х, его работа до сих пор остается ценным источником по истории РПЦ.¹

¹ Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви: 1917 -1945. М., 1996.

Самым значительным достижением советского периода в исследовании церковной истории стало собрание документов эпохи гонений, которое было осуществлено трудами М. Е. Губонина (1907–1971). Ему принадлежит снабженный обширными комментариями сборник «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России», опубликованный только в 90-е годы.¹ Он включает многочисленные церковные документы 1920–1930-х гг., материалы печати (в основном советской и обновленческой), личные свидетельства современников тех трагических событий. Разумеется, основной массив документов представлен открытыми источниками, так как архивы органов ВЧК-ОГПУ-НКВД, СНК, ЦК ВКП(б) ему были недоступны.

Истории обновленческого раскола, его лидерам, идеологии посвящен труд, написанный А. Э. Левитиным (Красновым) и В. М. Шавров в 1960-е годы.² «Очерки по истории русской церковной смуты» и сегодня являются важным источником сведений для исследователей этого периода, дающего в известной полноте информацию об обновленческом расколе.

В 90-е годы прошлого века появились работы светских отечественных историков, посвященные теме государственно-церковных отношений в СССР. Их авторы пытались отойти от стереотипов, заданных советской исторической школой, но этот поворот к объективности не удался им в полной мере. Однако к достижениям исследователей стоит отнести расширение документальной и источниковой базы их сочинений.³

Важным этапом в развитии изучения данной темы стало появление работ церковных историков. Одним из первых стал труд митрополита Иоанна (Снычева), написанный в значительной степени под влиянием его духовного

¹ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 г.г./ Сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994.

² Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996.

³ Одинцов М. И. Государство и церковь: История взаимоотношений, 1917–1938 гг. М., 1991; Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991; Его же. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992; Кашеваров А. Н. Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. 1917–1945 гг. СПб., 1995; Одинцов М. И. Русская Православная Церковь в XX веке: История, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002.

руководителя, современника и участника тех событий митрополита Мануила (Лемешевского).¹ В первую очередь, необходимо отметить вклад протоиерея Владислава Цыпина, профессора Московской Духовной Академии, который первым создал обобщающий труд по истории РПЦ в XX столетии и отдельно описал, опираясь на доступные документы эпоху предвоенных гонений на верующих.²

Санкт-Петербургская Духовная представлена работами заведующего кафедрой церковной истории протоиерея Георгия Митрофанова. Сначала он издал подготовленные к печати аудиозаписи своих академических лекций по событиям первой четверти XX столетия, которые непосредственно определили судьбу Церкви: первая революция, церковные преобразования, падение монархии, приход к власти большевиков.³ Этому труду присущи все достоинства и недостатки лекционного курса: отказ от академизма в пользу умеренного популяризаторства сложных проблем, доступность для неподготовленного слушателя. Разумеется, автор не считает необходимым избегать своих «идейных» пристрастий, когда речь идет об оценке деятельности митрополита Сергия (Страгородского). При этом, отец протоиерей внес значительный вклад в изучении деятельности митрополита Петра (Полянского) в должности Местоблюстителя Патриаршего Престола. Протоиерей Георгий Митрофанов также посвятил отдельное исследование взаимоотношениям русской церковной эмиграции с московской церковной властью.⁴

Большая работа была проделана игуменом Дамаскиным (Орловским), собравшим неизвестные ранее документы, устные нарративы и

¹ Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. Самара, 1997.

² Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви. Кн. 9: 1917–1997. М., 1997; Русская Православная Церковь: 1925–1938. М., 1999.

³ Митрофанов Г., протоиерей. История Русской Православной Церкви: 1900–1927. СПб., 2002.

⁴ Митрофанов Г., священник. Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920–1927 гг. СПб., 1995.

опубликовавшим их в многотомном сочинении жизнеописания подвижников благочестия, исповедников и новомучеников XX века.¹

Необходимо отметить существенный вклад в изучение эпохи гонений историками русской эмиграции: протопресвитер Михаил Польский и Дмитрий Поспеловский. О. Михаил Польский принадлежит к консервативно-монархическому направлению исследователей из РПЦЗ. Ему принадлежит работа, написанная в духе церковно-полюемической литературы, отражающая известную позицию карловацкой иерархии в те годы на церковные разделения и обличение, так называемого ими, «сергианства».²

Дмитрий Поспеловский занимает в своей работе, представляющую учебное пособие, более уравновешенную позицию по вопросам расколов и вынужденного сотрудничества с советской властью.³ Разумеется, периоду от 1917 по 1945 годы, в силу избранного формата, отводится незначительное место. Однако автор упоминает о важной роли епископа Афанасия (Сахарова) в последний период существования движения «непоминающих».

Значительная роль в изучении церковных разделений второй четверти XX века принадлежит историку из ПСТГУ священнику Александру Мазырину.⁴ Его главная работа – монография (диссертация кандидата исторических наук) основана на привлечении значительного количества неизвестных ранее документов из Центрального архива ФСБ.⁵ Он уделяет значительное внимание методам оперативной работы органов ОГПУ-НКВД по созданию расколов внутри Церкви, анализирует позицию различных групп епископата, в том числе, взгляды святителя Афанасия. К сожалению, при всех очевидных достоинствах, его фундаментальное исследование содержит

¹ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. В 7 книгах. Тверь, 1992-2003.

² Польский М., прот. Современное состояние Православной Церкви в СССР. Нью-Йорк, 1946.

³ Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996.

⁴ Мазырин А., священник. «Духовный собор» епископов и вопрос о тайных выборах Патриарха в 1926 году // Вестник ПСТГУ. Вып.2 (45). 2012. С.20-43.

⁵ Мазырин А., священник. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-1930-х годах. М., 2006.

оценочные суждения «сергиевской» иерархии, что выходит за рамки объективного исторического сочинения.

Среди современных историков Церкви, пожалуй, наиболее значительными являются труды питерских ученых С.Л.Фирсова и М.В. Шкаровского. С.Л. Фирсов исследует взгляды и деятельность митрополита Сергия (Страгородского), чьим викарием и оппонентом был епископ Афанасий (Сахаров), а также антиклерикальную политику советского государства.¹ Книги М.В. Шкаровского, на сегодняшний день, являются самыми фундированными работами по интересующему нас периоду, основанными на огромном количестве материалов из отечественных и зарубежных архивов.² В его сочинениях подробно освещена деятельность Русской Церкви в годы Великой Отечественной войны.³

Оригинальным исследованием о «церковном подполье» является работа московского историка Алексея Беглова.⁴ Она написана на основании не только архивных источников, но и собранных автором мемуаров о периоде «церковных катакомб». Он не только фиксирует специфику идеологии и религиозных практик «церковного подполья», но и предпринимает попытку дефиниции таких понятий как «катакомбники», «истинно-православные христиане», «церковное подполье», «церковная оппозиция», «непоминающие» и т.д. В разные исторические периоды эти понятия могли не только не совпадать, но и менять свое внутреннее содержание. Этот вопрос также исследовался казанским историком А. Журавским.⁵

В нашей работе учитываются взгляды этих историков на отсутствие тождества таких понятий как «непоминающие», «церковная оппозиция»,

¹ Фирсов С.Л. Время в судьбе: Святейший Сергий, Патриарх Московский и всея Руси: К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 1999.

² Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005.

³ Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2005.

⁴ Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.

⁵ Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004.

«церковное подполье»), но, в ряде случаев, они используются как синонимы в тексте. Дискуссия о содержательной стороне этих терминов выходит за рамки нашего сочинения.

Большой фактический материал, опирающийся на воспоминания духовных чад владыки Афанасия (Сахарова) содержится в работах владимирских краеведов и церковных биографов.¹ Авторы не претендуют на создание оригинальных исторических концепций, они прибегают к хронологически-описательному методу в своем творчестве, который свойственен житийной литературе. Отдельно необходимо отметить работы специалистов, анализирующих литургические труды святителя Афанасия (Сахарова).²

Автор данной работы посвятил цикл статей, в которых рассмотрел церковную политику Патриарха Сергия (Страгородского), считая выбранный им путь наиболее адекватным к сложившейся ситуации беспрецедентных гонений на христиан.³

Источники

¹ Косик О. В. Из истории Владимирской епархии (1917-1923 гг.) // Богословский сборник. Вып. VI. М.: Изд-во ПСТБИ, 2000. С. 26-75; Кравецкий А.Г. Святитель Афанасий Ковровский: библиографический очерк. Владимир, 2012; Морохин Г., протоиерей. Проблема канонизации новомучеников Российских на примере святителя Афанасия (Сахарова) // Афанасьевский сборник. Шуя, 2011. Вып. I. С. 57-51; Сергия (Ежикова), инокиня. Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец. Сергиев Посад, 2003.

² Мартыянова С. А. Богослужбное слово в наследии Владыки Афанасия (Сахарова) // Афанасьевский сборник. 2007. Вып. I. С. 51-56.о

³ Хижий М. Л. , протоиерей. Размышления о церковной политике Патриарха Сергия(Страгородского) // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. Издательский дом «Фома». М.,2003, №3. С.120-130; Хижий М. Л. , протоиерей. Патриарх Сергий (Страгородский) и его церковно-политические взгляды. Ч.1.// Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. Издательский дом «Фома». М.,2006, №3. С. 103-111.; Хижий М. Л. , протоиерей. Патриарх Сергий (Страгородский) и его церковно-политические взгляды. Ч.2.// Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. Издательский дом «Фома». М.,2007, №2. С. 140-148.;Хижий М. Л. , протоиерей. Патриарх Сергий (Страгородский) и его церковно-политические взгляды. Ч.3. // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. Издательский дом «Фома». М.,2007, №2.С. 103-112.

В качестве источников в работе использованы следующие материалы: архив Владимирской епархии (АВО), личный архив секретаря Комиссии по канонизации местночтимых святых Владимирской епархии протоиерея Максима Хижего (1994-1999гг.). Опубликованные источники – «Акты Святейшего Патриарха Тихона», собрание документов по истории новомучеников ПСТГУ, опубликованная переписка епископа Афанасия (Сахарова).¹

За исключением личного архива секретаря Комиссии по канонизации Владимирской епархии большинство документов введено в научный оборот. В личном архиве прот. Максима Хижего находятся магнитофонные записи середины 90-х годов прошлого века, интервью участников событий, знавших непосредственно владыку Афанасия (Сахарова) и его окружение. Наибольшую ценность представляют неопубликованные записи бесед с О.А.Кавелиной (инокиней Серафимой), в 30-40-е годы бывшей связной в церковном подполье. Кроме того, там находится некоторое количество документов из закрытого ныне для исследователей архива ФСБ Владимирской области, а также выписки из фондов Архива Президента РФ.

Автор с благодарностью вспоминает помощь в написании данной работы ныне почившего в Бозе настоятеля Успенского храма г. Петушки (1985-2001) протоиерея Андрея Тетерина, за неоценимые консультации и предоставленные материалы.

Цель и задачи исследования

Несмотря на хорошую изученность темы, автор обращает внимание на закономерное превалирование агиографического подхода в жизнеописании

¹ «Какое великое утешение – вера наша!» Избранные письма свт. Афанасия (Сахарова). М., 2012; Молитва всех вас спасёт: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., предисл. и прим. О. В. Косик. – М.: Изд-во ПСТБИ, 2000; Собрание писем святителя Афанасия (Сахарова). М., 2001.

святителя Афанасия (Сахарова) над историко-аналитическим методом.

Поэтому он ставит следующие цели:

1. Изучить документы на предмет выявления роли епископа Афанасия (Сахарова) как одного из организаторов движения «непоминающих» и систематизировать факты его деятельности в движении «непоминающих» и противостояние митрополиту Сергию (Страгородскому), его церковной позиции.
2. Исследовать причины и процессы, которые сделали епископа Афанасия безусловным духовным лидером катакомбников в 40-е годы прошлого века.
3. Исследовать некоторые особенности взглядов епископа Афанасия на историю Русской Церкви и страны в эпоху гонений, оказавших влияние на его церковную оппозицию курсу Патриарха Сергия.

Для этого автор ставит следующие задачи:

1. Проследить основные этапы антицерковной политики советской власти.
2. Определить тактику и методы борьбы органов ВЧК-ОГПУ-НКВД с Церковью, а также способы выживания церковного подполья .
3. Изучить организацию, религиозную жизнь, мировоззрение движения «непоминающих» и его духовных лидеров из окружения епископа Афанасия (Сахарова), противостояние «сергианам».
4. Для этого исследовать и проанализировать исторические архивные материалы, документы и эпистолярное наследие, мемуары связанные с эпохой Патриарха Сергия и епископа Афанасия (Сахарова).

Применение сравнительно-исторического и аналитического методов исследования к документам личного фонда святителя составляют научную новизну работы.

ГЛАВА I. АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В 1917-1927 гг.

1.1. Поместный Собор 1917-1918 гг.: предпосылки возникновения движения «непоминающих».

Движение «непоминающих» возникло в определенных исторических условиях и хронологически может быть ограничено временными рамками 1927 – 1945 годов. Это эпоха, когда у церковного кормила встал митрополит, а, в последствие, Патриарх Сергей (Страгородский). 1927 год – год опубликования «Декларации об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти», а 1945 год – год начала воссоединения «непоминающих» с Московской Патриархией при Патриархе Алексии I (Симанском). Разумеется, движение отделившихся от митрополита (Патриарха) Сергея (Страгородского) не возникло и не исчезло одновременно, хотя бы уже потому, что не было организационно и идейно монолитным. На протяжении всего периода репрессий оно имело разных духовных лидеров и появление в 1945 году епископа Афанасия (Сахарова) как его признанного духовного вождя скорее говорит о том, что практически вся иерархия «непоминающих» была физически уничтожена органами НКВД-МГБ. Таким образом, можно говорить о фактическом разгроме в СССР «катакомбной церкви», создании всех главных условий для ее дальнейшей маргинализации – превращения в церковной раскол, по организации и по духу близкий к известному в истории раскольническому движению старообрядцев-беспоповцев.¹

¹ «Совершенно иной путь избрали изоляционисты, категорически отказывавшиеся от работы в советских учреждениях. Если в 1920-е гг. такой путь был совместим с жизнью легальных приходов, то начиная с 1930-х гг. эта группа перемещается в катакомбы. В таких общинах, как правило сельских, были сильны эсхатологические настроения. Кроме того, на идеологию этих групп повлияло возникновение обновленческого раскола («церкви лукавнующих»), к которому со временем стали причислять митрополита Сергея и его сторонников. Что касается общин, отказавшихся признать власть Патриарха Московского, то они в скором времени стали все больше деградировать. Существует немало примеров проявления этого вырождения (заочные крещения и венчания, замена богослужений

Первые десять лет существования Советской власти заложили будущий идейный фундамент для появления движения «непоминающих». Прежде всего, речь идет о Поместном Соборе 1917 года, восстановившем патриаршество в Российской Православной Церкви. Одним из решений Собора стало намерение значительно увеличить число епископов.

В результате революции и гражданской войны, различных социальных катаклизмов, последовавших репрессий и изгнания с епископских кафедр, областей и даже из страны, численность епископата значительно уменьшилась. Историк М.В. Шкаровский пишет: «И здесь большую роль сыграло определение Собора от 15 апреля 1918 г. «О викарных епископах», в соответствии с которым расширялись их полномочия и увеличивалось число викариатств. Несмотря на значительные препятствия, это постановление было исполнено. Если в 1918 г. было совершено 4 архиерейские хиротонии, то в 1919 – 14, в 1920 – 30, в 1921 – 39 и т.д. Таким образом, число епископов выросло в несколько раз и составило в 1920-е гг. более 200. В условиях гонений, когда правящие архиереи подвергались арестам, управление епархиями брали на себя находящиеся временно на свободах викарии. Причем до 1927 г. ссыльные архиереи могли занимать кафедры в городах, из которых они были удалены, сохраняя, таким образом, молитвенно-каноническую связь с епархией. Многочисленность епископата стала одной из причин позволивших сохранить Русской Православной Церкви апостольскую преемственность, несмотря на жесточайшие репрессии.»¹

К началу периода гонений на Православную Церковь и верующих произошли существенные изменения в среде епископата: иерархами стали

суточного круга акафистами, причащение святой водой, а то и кровью духовного лидера и проч.)». Цит. по: Беглов А. Указ. соч. С. 205-206. Произошло то, что принято называть вырождением церковной оппозиции, проявившемся в сектантском поведении и духе участников этого движения, постепенного исчезновения канонической законной иерархии и заменой таковой на самосвятскую иерархию.

¹ Шкаровский М.В. Влияние Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 годов в советскую эпоху. // Церковь и время. 2003. № 4. С. 170.

большое количество сравнительно молодых людей, пассионарных, готовых защищать интересы Церкви, но не имевших практического опыта руководства епархиями. Несмотря на то, что большинство из них было викариями, в условиях репрессий времени на его приобретения у них не было – епископские кафедры все чаще становились вдовствующими. Так во Владимире за 1922-1930 годы сменилось 3 правящих епископа и 4 викария, по факту замещавших на кафедре арестованных архиереев.

Истребление епископата было одной из задач репрессивных органов Советской власти. Так в 1921 году незадолго до архиерейской хиротонии архимандрит Афанасий (Сахаров) получил предупреждение от органов ГПУ, что в случае принятия епископского сана местом его принудительной изоляции может стать «любая географическая точка на карте РСФСР», а если он останется архимандритом, то будет репрессирован в пределах Владимирской губернии.¹ Разумеется, это не остановило исповедника.

Поместный Собор 1917 года, в котором будущий епископ Афанасий (Сахаров) принял самое активное участие, был уникальным явлением, которое отразило всю глубину перемен происходящих в церковном сообществе. В первую очередь, речь идет о значительном представительстве мирян среди его участников: 299 из 559.² Принятые Собором решения о православных братствах, говорили о необходимости и готовности мирян встать на защиту интересов Церкви в годы социальных потрясений. Именно это послужило фундаментом для появления протестного движения мирян, выступивших против компании властей по осквернению мощей и святых реликвий. Во Владимирской губернии епископ Афанасий возглавил сопротивление прихожан атеистическим выходкам местных коммунистов.³

Так как движение «непоминающих» было направлено против Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), «превысившего свои полномочия», для нашего

¹ АВЕ. Ф. ЕА (С). Оп.4. Д.5. Л. 14

² Шкаровский М.С. Указ. соч. С.171.

³ Сергия (Ежикова), инокиня. Указ. соч. С. 49.

исследования важно подчеркнуть формирование недоверия к его церковному курсу у Ковровского викарного епископа Афанасия (Сахарова), находившегося под началом митрополита в 20-е годы, занимавшего Владимирскую кафедру.

Вызывает сомнение тезис, который тиражируется в различных жизнеописаниях епископа-исповедника, «что лично к митрополиту Сергию епископ Афанасий до конца своих дней относился с почтением и почти все его действия до начала 30-х годов одобрял».¹ Разумеется, будучи викарием митрополита, а ранее иеромонахом, настоятелем епархиального монастыря он всецело находился в каноническом послушании правящему архиерею. Но уже в начале 20-х годов можно почувствовать различие во взглядах будущего Патриарха и духовного лидера «непоминающих» в отношении к политике Советской власти. Достаточно проанализировать одно из самых распространенных свидетельств о сопротивлении будущего епископа Афанасия компании по вскрытию рак святых мощей в Успенском соборе города Владимира.² Митрополит Сергей (Страгородский) предпочитал не оказывать открытого неповиновения гражданским властям, считая, что лучше не провоцировать конфликты, которые неминуемо привели бы к репрессиям в отношении верующих и возможному отречению кого-либо от Христа.³

¹ Морохин Г., протоиерей. Указ. соч. С. 59.

² «В 1919 году, когда большевики начали пропагандистскую кампанию по вскрытию мощей, совместные усилия митрополита Сергия, который занимал тогда Владимирскую кафедру, и иеромонаха Афанасия (Сахарова) позволили предотвратить поругание святынь. Митрополит Сергей благословил не чинить препятствий комиссии по вскрытию мощей в Успенском кафедральном соборе и установить возле них дежурство духовенства. В соборе поставили длинные столы, застеленные церковными покрывалами (какими тогда покрывали гроб с усопшим), а на них аккуратно положили святые мощи. Первыми возле мощей дежурили иеромонах Афанасий (Сахаров) и псаломщик Александр Потапов. Как только двери собора открылись для допуска народа, отец Афанасий громко возгласил: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков!..» – «Аминь!» – ответил псаломщик, и начался молебен владимирским святым. Народ стал креститься, ставить свечи и класть поклоны. Так, предполагаемое поругание святынь обратилось в торжественное прославление». Цит. по: Сергия (Ежикова), инокиня. Указ. соч. С. 48.

³ Митрополит Сергей (Страгородский) прекрасно понимал ситуацию, в которой ему приходилось управлять церковным кораблем. Находясь в 1922 году на Владимирской кафедре, он предупреждал своих собратий: «...нельзя же принимать таких положений, которыми мы как будто провоцируем исповедничество, без достаточных оснований нельзя

Данная позиция митрополита вполне соответствовала мнению отцов Церкви на мученический подвиг, перекликаясь со словами святителя Амвросия Медиоланского: «Должно остерегаться также и того, чтобы кто-либо в чрезмерной погоне за славою не злоупотреблял бы (своею духовною) властью и не возбуждал бы гонение и без того не расположенных к нам язычников, не зажигал бы также в них гнева. Ибо сколь многих (эти честолюбцы) обрекают на погибель, хотя сами и остаются твердыми и препобеждают мучения?»¹

Позднее на допросе в ГПУ епископ Афанасий так объяснял мотивы своего сопротивления антирелигиозным действиям властей: ««Отделение Церкви от Государства желательно и для Церкви». К сожалению, как некоторые пункты декрета, так особенно многие действия властей на местах при осуществлении его дают основание видеть здесь не столько акт, вытекающий из идеи свободы совести, сколько стеснение религиозной свободы, нередко глумление и даже гонения на религию и церковь» – суть ответ на пункт 13 одной из анкет, не помню в какое советское учреждение, поданной мной в 1918».²

Первая трещина, которая приведет к отходу епископа Афанасия (Сахарова) от митрополита Сергия в 1927 году появилась задолго до этого. В 1917 году во Владимирской епархии прошли выборы епископа. Владимирского архиепископа Алексия (Дородницына) лишили кафедры за симпатии к «благословенному старцу Григорию Распутину», а местное духовенство высказало пожелание, чтобы новый архипастырь не был замешен в «сношениях с темными силами».³ Участие в выборах приняли два основных кандидата: протоиерей Тимофей (Налимов) и архиепископ Сергей (Страгородский). Оба претендента прибыли во Владимир из Санкт-

же толкать паству под нож. Я бы мог прекрасно сказать своей пастве: «ложитесь вокруг собора и не отдавайте», но сам вчера же и уехал бы из города». Цит. по: Хижий М., протоиерей. Митрополит Сергей (Страгородский) и его церковно-политические взгляды // Альфа и Омега. М., 2007. №49. С. 111.

¹ Творения святителя Амвросия епископа Медиоланского. Москва-Рига, 1995. С. 171.

² Сергия (Ежикова), инокиня. Указ. Соч. С. 46.

³ Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года. СПб., 2008. С. 182.

Петербурга. Если архиепископ Сергей на тот момент был уже известным членом дореволюционного Синода, то протоиерей Налимов числился всего лишь священником столичного Казанского собора и преподавателем Духовной Академии. Однако местное духовенство явно симпатизировало священнику. Предварительное голосование это отразило: за протоиерея Налимова отдали голоса 207 выборщиков, за архиепископа Сергия (Страгородского) – 187. Такой расклад стал возможен по двум причинам: протоиерей Николай был младшим братом покойного архиепископа Николая (Налимова), который управлял владимирской кафедрой с 1906 по 1914 год. Иерарх пользовался симпатиями местного духовенства, которые транслировались на его младшего брата. С другой стороны, архиепископ Сергей для многих в эпоху «церковной революции» ассоциировался с синодальной бюрократией, которую подозревали в некотором сервилизме по отношению к дискредитированной царской власти (негативное отношение к Распутину только подливало масло в огонь, несмотря на то, что лично архиепископ Сергей никак в связях со «старцем» замешан не был).

Несмотря на перевес в первом туре, протоиерей Налимов выборы владыке Сергию проиграл с конечным результатом – 307: 204. Хотя никаких свидетельств о нечестном голосовании архивы не сохранили, говоря современным языком, некоторая порция «черного пиара» все-таки присутствовала. Против архиепископа Сергия голосовала корпорация преподавателей Владимирской духовной семинарии (данных о том, за кого отдал свой голос иеромонах Афанасий, преподаватель литургики, нет). Одновременно выступила правая пресса, обвинив Сергия (Страгородского) в увольнении предшественника на покой, обзывая его «львовцем» и «церковным большевиком».¹ Таким образом, несмотря на значительное превосходство над Налимовым, владыка Сергей победил на выборах в довольно сложной для него атмосфере. Стоит принять во внимание, что протоиерей Николай Налимов скончался в 1925 году, пройдя через

¹ Там же. С. 184.

преследования советской власти за свою последовательно негативную позицию в отношении обновленческого духовенства и раскола в Санкт-Петербурге. Именно симпатии к обновленчеству и его «приверженность принципам церковной бюрократии» будут поставлены позднее в вину архиепископу Сергию участниками движения «непоминающих». В любом случае, необходимо учесть ту атмосферу во владимирской епархии, которая предшествовала всем последующим трагическим событиям, и сыграла немалую роль в недоверии к высшей церковной власти.

Сама церковная иерархия остро чувствовала атмосферу разворачивающейся «церковной революции». С одной стороны, Патриарх Тихон ожидал неминуемых гонений на Церковь со стороны большевиков: этим обуславливалось увеличение числа викарных епископов, готовых прийти на смену репрессированным архиереям. С другой стороны, показателен его выбор местоблюстителей: митрополит Петр (Полянский) не обладал опытом епархиального архиерея, но был личным другом Святейшего; митрополит Агафангел (Преображенский) менял архиепископа Тихона (Белавина) последовательно на Литовской и Ярославской кафедрах, являлся его однокашником по Санкт-Петербургской духовной академии. Это наводит на мысль о том, что Святейший Патриарх в лихую годину гонений на Церковь, в первую очередь, ценил в своем окружении не только деловые качества церковных администраторов, а, в первую очередь, человеческую надежность в людях, которым он был готов доверить управление церковным кораблем в случае критической ситуации. Ни сколько не подвергая сомнению данный выбор, необходимо отметить на то, что он вполне соответствовал условиям эпохи – времени большевистской борьбы с Церковью.

1.2. Декреты советской власти и репрессивная политика в отношении верующих.

С первых шагов своего существования советская власть заявила о своей антирелигиозной и антицерковной позиции. В первую очередь, гонения и

репрессии затронули Православную Церковь. Так она должна была заплатить, по мнению большевиков, за свой союз с монархической властью, а позднее за сочувствие или прямую поддержку Белого движения.

Уже Февральская революция в достаточной мере заявила о своем «антиклерикализме»: последовали аресты епископов и духовенства. Ситуацию не смогло спасти даже то, что Святейший Синод отказался в феврале 1917 публично поддержать монархию. А 6 марта от имени «церковного правительства» в специальном послании предложили верующим поддержать Временное правительство. Только два архиерея высказались в поддержку монархии: архиепископ Антоний (Храповицкий) и епископ Андроник (Никольский).¹ Часть духовенства в порядке личной инициативы продолжала почитать Государя. Временное правительство поддержало «левое» крыло духовенства, которое не только выступало за церковные реформы, но и состояло в различных партиях социалистической и буржуазно-демократической ориентации. Но Временное правительство, несмотря на свои акты «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», «О свободе совести», одновременно издало закон о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения и подготовило проект об исключении Закона Божия из списка обязательных предметов. Православная Церковь в отличие от других вероисповеданий не получила юридической свободы, государство не отказалось от функций контроля над ней, вместо обер-прокурора Синода утвердило должность министра исповеданий.

Октябрьская революция и пришедшие к власти в результате переворота большевики сразу перешли к открытой конфронтации с Церковью. Несмотря на то, что Поместный Собор и священноначалие публично декларировали свою гражданскую лояльность к новой власти (максимум, позволив себе призвать к миру обе стороны конфликта, простить побежденных), большевики начали выпускать декреты, которые сразу осложнили существование Православной Церкви. Так, декреты о земле, национализации банков лишили

¹ Там же. С. 52.

ее значительной части угодий и финансов. 20 января 1918 года Совет народных комиссаров принял декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В результате религиозные общины лишились права иметь собственность и права юридического лица, с последующей национализацией всего принадлежащего им ранее имущества. Именно этот советский закон до середины 30-х годов стал препятствием для деятельности Православной Церкви в СССР и определил главное направление в борьбе за ее выживание – курс на легализацию церковной жизни.¹ Именно за получение государственной регистрации церковных общин боролся все последующие после кончины Патриарха Тихона его Местоблюститель (ранее Заместитель Местоблюстителя) митрополит Сергей (Страгородский), пытавшийся путем компромиссов с советской властью добиться сохранения церковного управления на законных основаниях. Эта политика уступок большевикам и станет главным поводом для отделения «непоминающих» от последователей митрополита Сергея и его Синода.

Наиболее трагичным для Церкви стало совпадение по времени антиправославных законов с политикой «красного террора». Большевики ввели ограничение политических прав для служителей культа, запретили набатный звон (страшась контрреволюционных выступлений народа), начали ликвидацию церковных типографий и церковных СМИ, добились прекращения деятельности Поместного Собора и православных братств. Началось физическое уничтожение духовенства, сопротивлявшегося большевистскому насилию. Поводом для выступлений верующих против политики советской власти стало активное закрытие монастырей и начало антирелигиозной компании по вскрытию мощей, начавшейся во второй половине 1918 года. Ленинское правительство рассматривало данные акции как средство пополнения государственного бюджета. К 1920 году власти

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. С. 85.

реквизировали у приходов и монастырей более 7 миллиардов рублей золотом, около 800 тысяч десятин земли, 1112 зданий.¹

Физические репрессии в отношении духовенства советская власть оправдывала участием «церковников» в контрреволюционном движении. Большевики припомнили военному духовенству службу в белогвардейских частях. Действительно, по разным подсчетам в Белой армии числилось не менее 4 тысяч священнослужителей, выполнявших свой пастырский долг, разумеется, не бравших в руки оружия. Однако это все равно послужило поводом для массовых расправ. Во главе «красного террора» в отношении Церкви стал Лев Троцкий, разработавший специальный план по ее уничтожению. Конкретными исполнителями его директив должны были стать карательные органы революции – ВЧК-ОГПУ-НКВД. Руководитель ВЧК Ф.Э. Дзержинский в декабре 1921 года поставил перед чекистами конкретную задачу раскола и развала Православной Церкви. Выступая перед представителями аппарата Чрезвычайной комиссии, он заявил: «Церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные сношения партии с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели – разложения попов. Связь какая бы то ни было с попами других органов бросит на партию тень – это опаснейшая вещь».² Для этого было создано 6 отделение Секретного Отдела ОГПУ, ставшего на десятилетие главным оперативным подразделением для борьбы с Церковью и верующими в СССР. Если для верующих южных губерний России, Урала и Сибири, ставших полем боя гражданской войны, «красный террор» был известен не понаслышке, то для жителей внутренних областей он был в значительной степени неожиданностью. Первоначально советская власть проводила репрессивные акции избирательно, так, чтобы не встретить массового сопротивления им. Главной задачей, с точки зрения Л. Троцкого, стал раскол Церкви и изоляция

¹ Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 157.

² АПРФ. Ф. 3. Оп.1. Д.23. Л.36. Копия документа из личного архива протоиерея М. Хижего.

духовенства от народа. Один из главных организаторов октябрьского переворота писал в докладной записке в ЦК РКП(б): « В России церковь не прошла через стадию реформации, оставшись до 1917 г. феодально-крепостнической, а не буржуазной. Лишь теперь, в эпоху победившей пролетарской революции, в РПЦ медленно начинает формироваться буржуазное «сменовеховское» крыло. Завтра крыло это может стать опаснейшим врагом пролетарского государства. Но сегодня оно реально противостоит монархически-черносотенному крылу, возглавляемому патриархом. Поэтому, именно сегодня следует, не ангажируясь политически, всячески поддержать сменовеховских попов против черносотенных, дать печатные органы, которые снабдят партию неоценимым агитационным материалом против контрреволюционных иерархов. В ходе кампании по изъятию следует разгромить этих последних чекистскими методами и с помощью сменовеховцев. Это поможет подготовить условия для завтрашнего разгрома самих сменовеховцев, советского духовенства. Следует разрешить этим последним организовать, провести собор против монархистов и сразу после собора, не давая сменовеховским вождям очухаться, разгромить и их, превратить в выкидыш буржуазную реформацию русской церкви». ¹

Разумеется, в те годы о степени коварства организаторов советской власти и «красного террора» православное духовенство, не имевшее, особенно в провинции, никакого опыта политической борьбы и, тем более, опыта конспиративной работы, который имелся в достатке у революционеров, могло только догадываться. Иеромонах, а с 1921 года епископ Ковровский Афанасий (Сахаров) тем более был далек в своей жизни от подобных знаний. У него за плечами была семинарская и академическая духовная школа, небольшой опыт работы преподавателя литургики в Полтавской и Владимирской семинариях. Но уже в начале своего архипастырского служения он столкнулся с чекистскими методами борьбы по советам Льва Троцкого.

¹ Цит. по: Кривова Н.А. Власть и русская православная церковь в 1922-1925 гг.: политика ЦК РКП(б) по отношению к религии и церкви и ее осуществление органами ГПУ. М., 1998. С. 188.

В первую очередь, это было связано с компанией по изъятию церковных ценностей на нужды Помгола. Для этого и было организовано вскрытие мощей (упоминавшееся выше) и конфискации церковной утвари из золота и серебра в «пользу голодающих Поволжья».¹ Органу ВЦИК – Помголу отводилась Львом Троцким роль ширмы, которая должна была прикрыть истинные цели большевиков – последовательный разгром Церкви. Причем речь здесь шла не столько о захвате материального имущества и разорения монастырей и приходов, сколько о возможности организовать репрессии в отношении православного духовенства, заручившись поддержкой народных масс.

В самом деле, голод в Поволжье позволял спекулировать на теме мнимого церковного богатства, обвинять защитников Церкви и, в первую очередь, духовенство в личной алчности. Троцкий требовал от своих подчиненных выдавать выявленные органами ГПУ случаи сокрытия церковных святынь и богослужебных предметов за обыкновенное воровство, уголовщину. Это позволяло чекистам, при соответствующей поддержке в печатных изданиях, осуществлять «революционные суды» – проще говоря, казнить священников, монахов и прихожан с отказом от соблюдения элементарных правовых процедур. Именно тогда появились печально знаменитые «тройки», излюбленным приговором которых стал расстрел.²

27 мая 1922 года митрополит Сергей (Страгородский) и епископ Афанасий (Сахаров) будут взяты под стражу чекистами. Их обвинят в похищении и последующем сокрытии утвари из драгметаллов Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. Это было так до конца и не выясненное дело. Монахи из обители к тому времени были удалены, а ключи от ризницы с

¹Шкаровский М.В. : «Одним из самых сомнительных шагов органов советской власти в их религиозной политике стала широкомасштабная кампания по ликвидации святых мощей. Она никак не согласовывалась с принципами декрета об отделении и являлась грубым вмешательством в сугубо внутренние дела Церкви, попыткой, по сути, регулировать канонические нормы жизни и богослужебную практику. Первые подобные случаи относятся к лету 1918 г., а с весны 1919 они приобрели массовый характер. Эти акции были расценены как действенное средство антирелигиозной пропаганды и получили полное одобрение в Совнарком». Указ. соч. С. 77.

² Там же. С. 95.

золотыми и серебряными предметами хранились у иеромонаха Матвея (Правдина). У него в келии чекисты нашли два золотых наперсных креста. К моменту прибытия комиссии по изъятию церковных ценностей, ризница была пуста. Этого оказалось достаточным, чтобы обвинить духовенство в краже и саботаже помощи голодающим. По всей видимости, подлинными виновниками опустошения монастыря были сами сотрудники ОГПУ.¹ Однако митрополита Сергия и епископа Афанасия приговаривают к одному году тюремного заключения, но на следующий день освобождают по амнистии.

Это вполне можно считать чудом. Дело в том, что Владимирская губерния оказалась в числе самых «отстающих» по объемам реквизиции. Конечно, ни митрополит Сергей (Страгородский), ни епископ Афанасий (Сахаров) этого знать тогда не могли. В Архиве Президента РФ хранятся под грифом «секретно» документы, проливающие свет на события той эпохи. Речь идет об отчетах Комиссии по изъятию церковных ценностей. Первоначально большевики планировали награть, пользуясь голодом в Поволжье, 525 000 пудов серебра, церковными ценностями, по расчетам Л. Троцкого, можно было загрузить поезд длиной в 7 верст. Однако власти не смогли выполнить этот план. Большая часть награбленного святотатцами ушла на содержание партийно-чекистского аппарата, была вывезена за границу в виде драгоценного лома и истрачена на организацию самой компании. Лев Троцкий в письме в ЦК вынужден был признать, что чекистская операция была проведена во Владимире «с преступной небрежностью и дало ничтожнейшие результаты».²

В секретном отчете владимирского ОГПУ говорится, что «с трудом удалось вынести ценности из Успенского Собора во Владимире спустя неделю после того, как Собор был опечатан, а у его стен поставлен караул. Всего

¹ Органы в секретных отчетах признавали тот факт, что чекисты были нечисты на руку. См.: Кривова Н.А. Указ. соч. С.89.

² АПРФ. Ф. 3. Оп.60. Д.23. Л.50. Копия документа из личного архива протоиерея М. Хижего.

изъято 5 пудов ценностей из серебра, не более фунта золотых украшений и несколько дорогих облачений».¹

Для сравнения в отчетах ОГПУ из других губерний фигурируют другие цифры:

Из Ипатьевского монастыря – 30 фунтов золота, 12 пудов серебра;

В Костроме – 24 фунта золота, 16 пудов серебра;

В Калужской губернии – 72 фунта золота, 302 пуда серебра.²

Эти отчеты подтверждают, что церковная политика митрополита Сергия на его кафедре, несмотря на его осторожность, принесла для Церкви позитивные результаты – при минимальных репрессиях ему удалось менее всех помочь советской власти в разграблении приходов. К сожалению, в этот период в епархии произошел один кровавый эксцесс при грабеже церковного имущества силами ЧОН ОГПУ.

Речь идет о событиях в Шуе. Формально, с 1918 года этот небольшой городок с 24 тысячами населения относился к Ивановской губернии. Однако в церковном отношении он продолжал управляться викарием владимирской епархии.³ 15 марта 1922 года местные жители в количестве от 5 до 6 тысяч человек воспрепятствовали частям особого назначения провести изъятие церковной утвари из собора. В результате столкновения был убит один красноармеец, 5 верующих, ранено 8 красноармейцев и 15 верующих очередью из пулемета. Прихожане смогли разоружить воинскую часть.⁴ Несмотря на требование Л. Троцкого «коноволов расстрелять», власти были вынуждены временно пойти на смягчение наказаний духовенству, опасаясь

¹ Там же. Л.51.

² Там же. Л. 53.

³ Точной даты образования Ивановской епархии нет. Фактически до 1946 года она управлялась либо Владимирским, либо Горьковским митрополитами или их викариями. Одной из возможных причин было наличие в Иванове сильной репрессивной структуры органов ОГПУ, превосходившей по своей эффективности аналогичную организацию во Владимирской губернии. См.: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД в боях за советскую власть. Иваново, 1979. С. 66.

⁴ Кривова Н.А. Указ. соч. С. 159.

спровоцировать население на его защиту и протест.¹ К тому же, митрополит Сергей (Страгородский) для советской власти был договороспособным человеком, не считая вопрос о передаче церковных драгоценностей принципиальным для веры. Он считал, что после отдачи серебряных риз «иконы останутся иконами», «что на суде Господнем нас спросят не о том, украшали ли мы святые храмы и иконы, а о том, напоили ли жаждущего, накормили голодного и одели ли нагого».² Видимо этим приходится объяснить столь мягкий приговор владимирскому митрополиту и его ковровскому vikарию.³

Но в столичных городах России репрессии носили по-прежнему демонстративный характер. Так в Петрограде большевиками в августе 1922 года был казнен после показательного суда митрополит Вениамин вместе с тремя своими ближайшими помощниками. Тогда власть применила ту тактику, которую ей рекомендовал Троцкий: использовала «сменовеховское духовенство» – «живоцерковников» для обвинения и предательства сторонников Патриарха Тихона.⁴

¹ Там же. С. 160.

² Косик О. Указ. соч. С. 34

³ «Во Владимирской епархии распространялось также воззвание митрополита Сергея (Страгородского), в котором содержалось утверждение о бесполезности сопротивления. В различных источниках высказывается мысль о том, что расхождение со Святейшим Патриархом, которое привело к переходу митрополита Сергея в лагерь обновленцев, было отчасти вызвано разными позициями в вопросе об отношении к изъятию. Митрополит Сергей призывал к отдаче церковных ценностей, лишь по возможности, в случае согласия властей, заменяя их золотом или чем-либо другим. В сводке, направленной в ОГПУ из Владимирской губернии, от 14-18 апреля 1922 г., указано, что в Иваново-Вознесенской губернии получено воззвание митрополита Владимирского и Шуйского Сергея, которое было размножено в количестве 200 экземпляров. В изложении сотрудников ГПУ содержание воззвания таково: «Необходимость помощи голодающим, по возможности заменять церк. ценностей собранным серебром и золотом рук верующими (так в оригинале. – О. К) согласием властей, бесполезность выступлений защиты храмов верующими, приводя примеры евангелия»». Цит. по: Косик О. Указ. соч. С. 33-34.

⁴ «10 июня 1922 г. в Петрограде открылся процесс, главной целью которого было доказать стремление «реакционных» петроградских клириков и мирян во главе с митрополитом Вениамином оказать сопротивление советским властям в их стремлении изъять церковные ценности на пользу голодающим. Говоря юридическим языком, митрополит и привлеченные с ним по «делу» 11 человек обвинялись в том, что в период исполнения декрета от 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей они организовались в преступную контрреволюционную группу, поставившую себе целью борьбу с Советской

Во Владимирской губернии также удалось создать группу «Живой Церкви».¹ Ее возглавил протоиерей Михаил Тихонравов. За свою деятельность по разрушению Уполномоченный «обновленческого» ВЦУ был запрещен священником Афанасием в служении. Протоиерей Михаил Тихонравов обратился с доносом в репрессивные органы Советской власти. В своем доносе в ОГПУ он писал: «Работа группы [«Живая Церковь»] и идеи церковно-обновленческого движения встретили самое враждебное отношение со стороны епископа Афанасия. Он в своих проповедях на богослужениях всячески старался дискредитировать это движение, начатое группой «Живая Церковь» еп. Афанасий ...объявляет обновленческое движение церковным расколом, даже ересь, грозит отлучением от Церкви всем сочувствующим этому движению и открыто заявляет, что с членами группы нельзя иметь церковного общения, а сам он уже порвал с ними это общение... Верующие признают слова еп. Афанасия правдой; волнуются и под влиянием этого – проникаются недоверием и враждой к идеям церк[овно]-обновленческого движения и к членам группы «Ж[ивая] Ц[ерковь]»».²

В эти годы еще было доподлинно неизвестно об агентурном сотрудничестве «живоцерковников», а также неустойчивых духом

властью. Остальные 47 подсудимых обвинялись в более «мелких» преступлениях: распространении воззваний митрополита, участии «в толпе», учинившей беспорядки при изъятии церковных ценностей и т.п. По тем временам обвинения были значительными и грозили самыми суровыми последствиями». Он также отмечает прямое провокационное участие в этом деле протоиерея Александра Введенского, одного из духовных лидеров «Живой Церкви». См.: Фирсов С.Л. Власть и верующие: из церковной истории начала 1920-х гг. // Нестор. 2000. №5 1. С. 211.

¹ «7 марта 1923 г. состоялся I Владимирский «обновленческий» епархиальный съезд духовенства и мирян. Съезд постановил одобрить кампанию по вскрытию мощей и решил изъять мощи из мест их церковного хранения и почитания и передать для музейного использования в Успенском соборе. Кроме этого съезд постановил в первую очередь «закрывать храмы историко-археологического и художественного значения через местную власть и срочно передать их в ведение Главмузея, как памятники исторического прошлого». Во Владимирской епархии возникают общины «обновленцев» и происходит перезаключение договоров на пользование церковным имуществом и храмами. Раскольнические группировки повели ожесточенную борьбу против Церкви и ее институтов». См.: Варфоломей (Минин), иеромонах. Владимирская епархия в годину гонений // Свет Невечерний. 2003. №1. С. 34.

² Косик О. Из истории Владимирской епархии (1917-1923 гг.) // Богословский сборник. Вып. 6. М., 2000. С. 59.

священников из «тихоновской церкви» с органами ОГПУ. Вставший во главе 6 отделения Секретного Отдела Е.А. Тучков считал, что «тотальная слежка и многочисленная агентура, обладание полной информацией и наличие карательного аппарата – вот слагаемые успеха чекистов».¹ С 1921 по 1924 годы штат осведомителей ОГПУ вырос в 6 раз!

Отношение обновленческому ВЦУ, созданному при непосредственном участии ОГПУ, стало первой трещиной во взаимоотношения епископа Афанасия (Сахарова) и митрополита Сергия (Страгородского). В 16 июня 1922 года Владимирский архипастырь выпустил «Декларацию» о признании им и двумя другими архиереями ВЦУ.² Этот документ в последствие сыграл важную роль в отношении ко всей церковной политике Местоблюстителя митрополита Сергия со стороны движения «непоминающих».

В тоже время епископ Афанасий (Сахаров) занял принципиальную позицию к деятельности ВЦУ. В своем письме митрополиту он писал: « Я уже неоднократно заявлял Вашему Высокопреосвященству, что не признавал и не признаю ВЦУ как законный орган высшей церковной власти. Может быть, быть прямолинейным и искренним и неблагоразумно, но я не думаю, чтобы неискренность и лукавство могли быть полезными Церкви Божией.[...] я считаю долгом заявить Вам, что решительно отказываюсь от совместной работы и от каких-либо сношений как с протоиереем Тихонравов, – власти, по моему глубокому убеждению, безусловно незаконной и захватнической, так и с другими деятелями – представителями какой-то «Живой Церкви»».³

¹ Кривова Н.А. Указ. соч. С. 174.

² «Мы, Сергий (Страгородский), Митрополит Владимирский и Шуйский, Евдоким (Мещерский), Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Серафим (Мещеряков), Архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Временного Церковного Управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Церковного Управления, считаем его единственной канонической законной Верховной Церковной Властью, и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви, как вверенных нам, так и других епархий». Цит. по: Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 218-219.

³ Цит. по: Сергия (Ежилова), инокиня. Указ. соч. С. 64.

Владыка Афанасий также заявил, что никакие указы ВЦУ, не утвержденные митрополитом Сергием, он исполнять не будет. Через некоторое время, чтобы переждать церковную смуту, он попросился в отпуск. Таким образом, несмотря на соработничество в епархиальных делах, выявилось все глубинное расхождение в подходах двух иерархов. В отличие от владыки Афанасия митрополит предпочитал политику компромиссов, считая ее в тех политических условиях единственно возможной.

Необходимо признать, что, не располагая никакой информацией о планах политического руководства страны, и тем более о тактике ОГПУ в отношении Церкви, Сергей (Страгородский) интуитивно, как многолетний член Святейшего Синода, понял, что власть большевиков – это всерьез и надолго. Его компромисс с большевиками похож на «компромисс жертвы с грабителем»: лучше отдать бандиту кошелек с деньгами, но сохранить жизнь. Первоначально митрополит Сергей, видимо, считал, что одна из главных целей революционной власти – грабеж церковного достояния под видом помощи голодающим и в этом ей можно уступить. Тем более, что злой гений революции – Лев Троцкий придумал новое наказание для сопротивлявшегося советскому вероломству духовенства – высылки активных организаторов церковного сопротивления в голодающие губернии Поволжья. По его расчетам, там ссыльных ждала или голодная смерть, или жестокая расправа народных масс, натравленных органами ОГПУ.¹

С признанием ВЦУ дело обстояло сложнее. Лев Троцкий сформулировал одну из главных задач перед чекистами следующим образом: вытеснение из структуры управления Православной Церкви старых иерархов, замены их либо просоветски настроенными живоцерковниками, либо неопытными молодыми епископами. Таким образом, признание митрополитом Сергием ВЦУ в этих условия можно объяснить отсутствием ясной информации о судьбе Патриарха Тихона и желанием, войдя в

¹ Кривова Н. А. Указ. соч. С. 188.

обновленческое управление, сохранить влияние на церковную политику.¹ Таковы были благие намерения.

Взгляды на будущее Церкви и страны у епископа Афанасия (Сахарова) формировались постепенно. С одной стороны, он явно был не согласен с осторожной политикой владимирского митрополита (сам стиль его письма говорит о продолжении какого-то, возможно, увещательного разговора с ним владыки Сергия, как правящего архиерея с викарием), с другой, ковровский епископ еще не приобрел однозначных негативных взглядов на действующую власть: один из ближайших друзей и помощников Афанасия (Сахарова) был красноармеец Иосиф Потапов, которого он рукоположил одним из первых, став епископом. Позднее, на допросах в ОГПУ владыка на вопрос о политических взглядах будет отвечать – «монархист». Это также разделяет его с будущим Патриархом, который в 1926 году на допросе отвечал: «Одинаково подчиняюсь как советской власти, так и всякой другой, например, царской, или подчинился бы и демократической власти, если бы она при том была добросовестна».²

К середине 20-х годов епископ Афанасий (Сахаров) арестовывался органами ОГПУ четыре раза: дважды по обвинению за «хищение» церковных ценностей и дважды по доносу «живоцерковников». Содержался во Владимирской и московской Таганской тюрьмах, был этапирован в Зырянский край. К 1925 году он приобрел знания «тюремных университетов» – на личном опыте познакомился со следственными методами ОГПУ и завел обширные связи в местах заключения с епископами, священниками и монахами, которые

¹ «Целью ГПУ в 1922 году, по признанию Е.А. Тучкова, было создание такой осведомительской сети, которую можно было использовать не только с информационной целью, но и руководить через нее всей церковью. Он намеревался направлять ее по «нужному пути» через своих агентов: дискредитация духовенства и замену сторонников Тихона среди архиереев и в епархиальных управлениях на сторонников ВЦУ, чем положить начало расколу в РПЦ. Таким образом, по плану Е.А. Тучкова, старая церковная иерархия должна потерять свою былую мощь и быть заменена на послушное обновленческое духовенство». Цит. по: Кривова Н.А. Указ .соч. С.173.

² ЦА ФСБ. Д.№6. Р.31639. Копия документа из личного архива протоиерея М.Хижего.

составят ядро движения «непоминающих» и сформируют его идеологическую платформу.¹

¹ Круг духовных лиц, с которыми у владыки Афанасия сложились близкие отношения, сформировался во время заключения его в 1922-1923 гг. в Таганскую политическую тюрьму. Здесь он сблизился с Местоблюстителем Патриарха митрополитом Кириллом (Смирновым), духовным лидером движения «непоминающих», а также с группой «даниловцев» и их лидером архиепископом Феодором (Поздеевским). Атмосфера в тюрьме описана так: ««Здесь были при мне митрополиты Кирилл Казанский, Серафим Варшавский (Чичагов), архиепископ Филарет Самарский, епископы Петр и Феодор Волоколамский (Поздеевский), Гурий Казанский, игумены Иона (Звенигородский), Георгий (Мещевский), священники, далее обер-прокурор А.Д. Самарин, проф. Кузнецов... «На прогулку!» – кричат сторожа в нижних коридорах.

«Выходи на прогулку!» – вторят надзиратели из разных этажей. Камеры открываются. По железным лестницам из разных этажей спускаются заключенные. Идут простые люди, рабочие, военные. Там-сям виднеется фигура духовного лица. Вот митрополит Кирилл с величественной осанкой, с большой бородой, в серой рясе и фиолетовой скуфье, а там исхудалый, с темными впалыми глазами на строгом аскетическом лице – игумен Иона; наклонив голову идет епископ Волоколамский Феодор, черноволосый, с бледным лицом, с очками в черной оправе (это бывший ректор МДА). Поблескивая синими очками, низко сидящими на несколько коротком носу, спускается медленно по лестнице епископ Гурий Казанский [...] Согласно желанию заключенных, богослужения были разрешены, и для них было отведено в тюрьме школьное помещение. [...]

Служит обычно митрополит Кирилл, обладающий величественной фигурой, высокий, с правильным лицом и широкой седой бородой. Сослужат ему епископы Феодор и Гурий. Тут же стоят игумен Иона, с сосредоточенным, несколько суровым лицом, и о. Георгий, простой и серьезный. Управляет хором бывший обер-прокурор Св. Синода А.Д. Самарин. А как поют! Только страдание может так одухотворить песнопение». Цит. по: Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского). М., 2004. С. 88.

ГЛАВА II. МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ (СТРАГОРОДСКИЙ) И ЕПИСКОП АФАНАСИЙ (САХАРОВ): ОТНОШЕНИЕ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1925-1940 гг.

2.1. Начальный этап становления движения «непоминающих»: епископ Афанасий (Сахаров) и духовные лидеры движения.¹

Движение «непоминающих» – это идейное течение, которое не имеет своим началом точную дату. Исследователи продолжают дискуссию о его генезисе, основных этапах развития, идейных ориентирах, духовных лидерах.² Однако, несмотря на все проблемы, можно констатировать важнейшие события в церковной и политической жизни страны, которые положили начало его формированию. В первую очередь, речь идет о «Декларации 1927 года», подписанной Заместителем Местоблюстителя Патриарха митрополитом Сергием (Страгородским), в ней от лица Церкви говорилось о лояльности священноначалия, духовенства, верующих в отношении советского государства. Иерархия провозглашала отказ от участия в политической борьбе, антисоветских акциях, поддержки враждебной властям белоэмиграции. Однако появление это документа оказалось подготовлено другими важными событиями в церковной и общественной жизни, которые нельзя не учитывать.

В первую очередь, ряд исследователей обращает внимание на перелом во внутренней политике советского государства. «Декларация» появляется в период завершения НЭПа («новой экономической политики»), накануне десятилетнего юбилея октябрьского переворота, в момент свертывания последних атавизмов гражданских свобод в СССР. Разумеется, репрессивная машина «органов» не прекращала своей работы, но середина 20-х годов была

¹ См.: Хижий М.Л., Диеперов В.Б. Возникновение «движения непоминающих» в 1927 - 1945 гг. в Православной церкви // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 4 (16). С. 96-102.

² Мазырин А., священник. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-1930-х годах. М., 2006. С. 46; Журавский А.В. Указ.соч. С.34.

относительной передышкой после окончания «красного террора» гражданской войны и революции.

Вместе с тем, конец 20-х годов ознаменовался началом борьбы внутри РКП(б), смертью Ф.Э. Дзержинского и ряда других вдохновителей войны с Церковью и верующими, оттеснением от вершины политической власти Льва Троцкого, что в этот короткий исторический период появилась возможность на заключение с большевистской властью компромиссного соглашения об облегчении участи духовенства и верующих.

Эту политическую атмосферу мог почувствовать только тот человек, который долгие годы находился во главе высшего церковного управления и находился на свободе. Из церковных иерархов такой опыт был только у Заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). Как известно из воспоминаний о нем, иерарх каждый свой день начинал с молитвенного правила, чтения Библии на иностранных языках и просматривания советских газет.¹ В отличие от многих церковных людей, справедливо считавших советский строй враждебным, а чтение коммунистической прессы делом душевредным и бессмысленным, владыка Сергий старался уловить любые нюансы в изменениях политического курса, чтобы обратить это на пользу Церкви. 1927 год еще оставлял такие надежды. Но 1928 год стал годом начала новой трагедии в СССР – объявлением коллективизации, ликвидации кулачества «как класса». На деле это означало кровавую волну новых репрессий, изъятие продовольствия в деревне и фактическую ликвидацию главного носителя православия в стране – крестьянства. В этих условиях духовенство, еще выжившее на местах, неизбежно втягивалось в водоворот репрессий, как «враждебный элемент, сочувствующий кулакам». В крестьянской среде обретали силу эсхатологические настроения, которые являются неизбежным спутником «катакомб». На таком политическом фоне внутрицерковные проблемы грозили обернуться катастрофой.

¹ Хижий М., протоиерей. Указ. соч. С.143.

В начале 20-х тяжелая ситуация сложилась с управлением Православной Церковью. Против Московского Патриарха было возбуждено уголовное преследование. Последние годы своей жизни священномученик Патриарх Тихон находился под реальным или домашним арестом. Это означало фактическое устранение его от управления Церковью органами ОГПУ, что создавало благоприятные условия для распространения «Живой Церкви» в епархиях и переходу власти к ее ВЦУ. Одним народным сопротивлением на местах, при всей его важности, победить раскол было невозможно. Тем более, что исследователи эпохи справедливо отмечают главный результат политики изъятия церковных ценностей «для борьбы с голодом»: «Церковь не была уничтожена полностью, смогла сохранить свою организационную структуру. Но власть одержала куда более важную победу. Было создано условие построения агрессивно настроенного к церкви государства, что стало возможным только при пассивном участии народа и его религиозном равнодушии, ставшим социальной базой политики «воинствующего атеизма». Власти достигли основного – на глазах у населения громили соборы, судили духовенство, загоняли церковь в подполье, а большинство молчало».¹

Появление «церковного подполья», или «катакомбного христианства», или «ревнителей» – в сущности движения, которое стало естественной реакцией на репрессивную политику власти, было неизбежным. Движение «непоминающих» появится позднее на этой социальной почве. Некоторые исследователи называют весь спектр этого идейно и организационно аморфного в те годы движения – «церковной оппозицией». Этим подчеркивается особенности генезиса данного течения в Церкви: оно возникает как ответ на растущую экспансию «живоцерковников». К середине 20-х годов они с помощью ОГПУ захватили не менее 2/3 православных приходов в стране.² С мая 1922 года Патриарх Тихон был под арестом. ВЦУ

¹ Кривова Н.А. Указ. соч. С. 279. По данным автора в 1923 году было расстреляно 2000 священнослужителей, в 1929 – 10 000, в 1937 – 40 000. Что подтверждает тезис о «мягких» репрессиях ОГПУ в отношении Церкви в середине 20-х годов.

² Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 83.

обладало своими печатными изданиями, которых не было у патриаршей Церкви, вело активную пропаганду по ее разрушению. Обновленцы приняли постановление о лишении Патриарха сана. Советская власть, с юридической точки зрения, поставила Православную Церковь с Патриархом «вне закона»: органы центрального и епархиального управления «тихоновцев» были лишены права регистрации. Таким образом, каноническая Российская Православная Церковь стала нелегальной организацией. В условиях СССР это определение стояло рядом с обвинением в «контрреволюции» и «антисоветской деятельности».¹ Именно с этим и связано заключение под стражу епископа Афанасия (Сахарова) в середине 20-х годов.

В этот период он сближается с двумя близкими по духу группами «церковной оппозиции»: «даниловцами» и «мечевцами». «Даниловцы» – это епископы, священники, монахи и миряне, которые собрались вокруг архиепископа Феодора (Поздеевского), настоятеля московского Даниловского монастыря. Епископ Афанасий знал его еще со времени обучения в Московской Духовной Академии, где владыка Феодор был ректором и организатором «Кружка ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви», в который также входили такие видные православные публицисты, философы и общественные деятели, как Ф.Д. Самарин, В.А. Кожевников, П.Б. и С.П. Мансуровы, князья Е.Н. и Г.Н. Трубецкие, протоиерей Иосиф Фудель, священник Павел Флоренский, С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн, Л.А. Тихомиров – православная интеллектуальная элита тех лет. Общество было создано для устранения обновленческого, более того, материалистического духа, господствовавшего в Академии при предшественнике Поздеевского – ректоре, которым был один из будущих деятелей обновленчества епископ Евдоким (Мещерский). Таким образом, архиереи, которые сошлись в борьбе за существование патриаршей Церкви, ранее были идейными противниками. Позиция, которую выбрал епископ

¹ Беглов А. Церковное подполье в СССР. В поисках «безгрешных катакомб». М., 2008. С. 33-34.

Афанасий, определялась его предшествующим жизненным опытом. Тем более, что всех своих единомышленников он встретил в тюремной камере, а противников, среди тех, кто доносил на него в органы ОГПУ.

Но, в отличие от своих единомышленников, епископ Афанасий (Сахаров) в те годы еще не обладал необходимым авторитетом, чтобы стать одним из духовных лидеров движения: он всего лишь 3 года был епископом без опыта самостоятельного управления епархией, без серьезных научно-богословских заслуг, которые требовались для ведения полемических дискуссий с оппонентами. Но в эти годы он становится известен своей бескомпромиссной позицией по борьбе с «живоцерковниками» во Владимирской епархии, которая находилась в непосредственной близости от Москвы, предававшей ей особое значение.

В середине 20-х годов складываются характерные черты «церковного подполья». Постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» запретило целый сектор церковной жизни: монастыри и монашество, благотворительность, религиозное образование. Ответом на это стало возникновение «домашних» храмов и монастырей.¹ Можно с уверенностью сказать, что, несмотря на скудные источники, епископ Афанасий имел к этому процессу непосредственное отношение. Об этом говорит, в частности, его живой интерес к старообрядческим религиозным практикам, которые весьма подходили катакомбникам в эпоху гонений.²

¹ Беглов А. Указ. Соч. С. 40.

² В 50-е годы прошлого века епископ Афанасий был привлечен Московской Патриархией для работы в Календарно-богослужебной комиссии, где ему пришлось высказать свою точку зрения на необходимость внесения корректив в тексты, которые, по его мнению, были неактуально жесткими в отношении старообрядцев. Он считал, что есть возможность для смягчения церковной позиции к ним, ради наметившихся шагов к воссоединению раскольников с Церковью. Владыка ценил старообрядческое благочестие и особенно способность мирян самостоятельно вести домовые службы. Вот что пишет один из исследователей его гимнографического наследия: «Святитель Афанасий почитал древнерусское благочестие. Его, в частности, привлекало то, что в древней Руси «не только монахи и священнослужители, но и миряне хорошо знали церковный устав, знали до мелких подробностей как порядок церковного богослужения, так и правила совершения церковных служб без священника, – знали даваемые Уставом правила внешнего поведения в храме и дома, хорошо знали правила «церковного вежества», как тогда выражались, и

Следователям ОГПУ не удалось с первого раза найти прямых доказательств организации им подпольных служб: подобного рода деятельность можно было вскрыть только в результате непосредственного внедрения осведомителя в узкий круг подпольных общин.¹ Доносы на владыку в этот период писали священники-«живцы», которых и на пушечный выстрел не подпустили бы к общению. Но доподлинно известно, что 16 февраля 1923 года в 121-й камере Таганской тюрьмы епископ Афанасий освятил антиминос для своей келейной церкви. Еще несколько антиминосов были изготовлены и освящены им для «катакомбных» литургий.²

До 1927 года владыка служил в Троицком храме Владимира, когда был на свободе. Церковь находилась недалеко от родительского дома Сахаровых и от закрытого Успенского девичьего монастыря, монахини которого вместе с игуменьей Олимпиадой (Медведевой) поддерживали епископа Афанасия в борьбе с обновленческим расколом. Раскольники в своей газете называли общину «цитаделью антиобновленческого движения в городе Владимире, где

всеми этими правилами руководились повседневно, насколько возможно приближая и свою домашнюю молитву к церковной (возжжение многих светильников во время молитвы, сверж неугасимых, каждение ручною кадильницей пред домашними святынями), и домашний уклад – к монастырскому (обилие святых икон не только внутри дома, но и снаружи, на вратах, при входе; устройство особой молитвенной храмины; земные поклоны пред родителями и старшими; испрашивание на всякое дело благословения главы семьи...)). Период гонений, когда храмов осталось ничтожно мало, а многие верующие вынуждены были скрывать свои убеждения, святитель Афанасий признавал благоприятным для возрождения того, что он называл «монастырём в миру», возвращение к благочестивой жизни наших предков». Цит. по: Афанасий (Селичев), игумен. Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник, в его отношении к старообрядцам //Свет Невечерний. Журнал Владимирской епархии РПЦ (МП). 2007. № 13. С. 54.

¹ В протоколах допросов 1936 года следователь настойчиво задает вопросы: «Из предъидущих Ваших показаний вытекает, что все указанные вами лица являются вашими ближайшими последователями, а потому ваши встречи случайными не были. Вы устраивали тайные службы в доме Виноградовой? Следствие располагает данными, что вы в г. Владимир приезжали исключительно с целью проведения антисоветских сборищ членов к/р организации, одним из руководителей которой вы были». Эти вопросы следователь задавал на основе показаний, полученных от Виноградовой. Разумеется, обвинения в контрреволюционной деятельности необходимо отсечь как навязанные следствием, но проведение церковных служб на дому для бывавших там епископов, священников, монахов и мирян можно считать весьма правдоподобным, хотя бы потому что больше совершить молитву им было негде. Цит. по :Протокол допроса обвиняемого Сахарова А.Г. , от 2 июня 1936 г. Архив ФСБ по Владимирской области. № П- 8218 Т.1. Д.5..Л.28. Копия из личного архива прот. Хижего М.

² Сергия (Ежикова), инокиня. Указ. соч. С. 75.

особенно сильно проявилась приверженность к мертвым формам и рутине, взлелеянная трудами бывшего епископа Афанасия, уделявшего женской обители исключительное внимание».¹ По сложившейся традиции, инокини селись возле стен закрытой обители.² В те годы этот район Владимира назывался «поселком Воровского». По всей видимости, где-то в этом районе находилась «домовая» церковь подполья. «Катакомбники» еще не имели большого опыта конспирации. Вся их жизнь была сконцентрирована на очень небольшом «пяточке» в историческом центре Владимира. В начале 30-х годов недолгое время там останавливался на жительство архиепископ Феодор (Поздеевский). 28 мая 1931 г. во Владимире, по адресу ул. Задний Боровок, дом 21, архиепископ был арестован.

Жизнь в церковном подполье сплачивала людей. Община, объединившаяся вокруг владыки Афанасия (Сахарова), по своему составу состояла в основном из женщин. Именно они носили ему передачи, когда он находился в тюрьме ОГПУ, поддерживали переписку с воли, выполняли различные поручения. В числе самых преданных ему людей, навещавших его в тюрьме, была игуменья Олимпиада. В этом тоже отразилась особенность той эпохи: преобладание женщин в подпольных общинах, рост их влияния в той сфере, которая не была связана со священническим служением. Лучше всего к этому подходили монахини или незамужние женщины, не обремененные семьей. Одна из причин этого заключалась в том, что еще до революции лицо русского монашества было уже преимущественно женским: на одного монаха или послушника в мужском монастыре приходилось 8 монахинь и послушниц.³ Значительную роль, конечно, сыграла и советская эпоха: мировая война, революция, гражданская и репрессии привели к значительным жертвам

¹ Церковь и жизнь. 1922. №3. С.7.

² «Порой на служение в приходы переходили целые группы бывших монастырских насельников. Тогда приходские храмы оказывались своего рода прикрытием для продолжавших существование монашеских общин.[...] Монахи и монахини старались поддерживать духовное единство своей распавшейся поневоле общины. Они сохраняли связь с игуменом или игуменьей обители, обращались за руководством к общему наставнику». Цит. по: Беглов А. Указ. соч. С. 41-42.

³ Рогозный П. Указ. соч. С. 35.

среди мужчин, произошел демографический сдвиг, который сказался на женских судьбах, возможности создания полноценной семьи. Кроме того, репрессивные органы обращали внимание, в первую очередь, на мужчин-священнослужителей, в которых они видели потенциально религиозных лидеров. ОГПУ повторяло дореволюционный опыт царской полиции в отношении старообрядцев, стремившейся лишить их общины священства и этим привести к угасанию религиозной жизни.

С февраля 1925 года после освобождения епископ Афанасий (Сахаров) был назначен Патриархом Тихоном на управление приходами Владимира, Коврова и их уездами. Однако уже в мае ОГПУ запретило ему руководство епархией, так как епископы-тихоновцы были лишены права регистрации в государственных органах. В сентябре 1925 года владыка вновь был задержан чекистами за нелегальное окормление паствы.

В этот период епископ Афанасий направляет все свои силы и пастырский талант на борьбу с обновленчеством. Одной из форм сопротивления обновленческому расколу была попытка наладить катакомбный самиздат – речь шла о самой необходимой в богослужении литературе – церковном календаре. По советским законам «тихоновская церковь» была лишена права издательской деятельности и самоиздат считался уголовным преступлением. На следствии 1926 года Афанасия (Сахарова) обвинили в создании подпольной типографии, после того как органы перехватили его переписку. В своих показаниях по существу дела владыка дает следующие объяснения: «Мною составляются в течение нескольких лет богослужебные заметки к церковному календарю. Мои знакомые помогают мне их переписывать, частью сами, частью через наемных переписчиков. Их я и называю типографией. Фамилию и имя их я не называю. Чтобы беспричинно не доставлять им беспокойства. Относительно выражения «издание календаря надо прекратить ввиду ареста редактора и конфискации типографии». Редактор – я, был арестован. Незадолго до ареста мне удалось достать в Москве напрокат пишущую машинку, но после моего ареста ее

возвратили в Москву, – это я и разумел, говоря о конфискации типографии. Кто привозил мне машинку – фамилию его я не назову».¹

Органы оперативной разработки катакомбников получили информацию о его деятельности. В тех легальных приходах, где еще оставалась возможность совершать епископу Афанасию богослужение он произносит проповеди, главная тема которых нарушение церковных канонов раскольниками, безблагодатность их таинств, призыв к покаянию их совершителей и участников обновленческих «богослужений». Как мог он пытался не касаться в своих словах политических тем. Но неизбежно приводил такие примеры из житий святых, которые не могли не вызывать ассоциаций с безбожной советской властью. Этим пользовались его враги из числа священников «Живой Церкви». Одним из них был предоставлен в ОГПУ конспект его проповеди за литургией 26 ноября 1925 года в селе Лыково Владимирского уезда, где владыка в качестве образца христианского поведения указал на великомученика Георгия Победоносца, который «не боялся ни тюрем, ни судищ».² В доносе на епископа Афанасия было сказано, что он «произвел большой соблазн в народе и возбуждал классовую борьбу, а некоторые граждане из его слов вывели заключение, что не всякой власти нужно повиноваться».³ На допросе свидетелей по делу чекисты допытывались: «Скажите, к чему была сказана о каких-либо родственниках его фраза, что нас пусть ненавидят и гонят, не указывал ли он родственникам сему примеров? О ком он говорил, как о ненавидящих и гонящих христиан? Не указывал ли об этом в проповеди?».⁴

Прихожане, как могли, пытались его спасти, отвечая на вопросы так: «Определенно ни на кого не указывал, а говорил вообще. Своего мнения я

¹ АВЕ. Ф. ЕА(С). Оп..1. Д.2 .Л. 84.

² АВЕ. Ф. ЕА(С). Оп..1. Д.2 .Л. 80.

³ АВЕ. Ф. ЕА(С). Оп..1. Д.2 .Л.5.

⁴ АВЕ. Ф. ЕА(С). Оп..1. Д.2 .Л. 8.

сказать не могу, так как эту фразу можно понимать разносторонне. Добавляю, что проповедь я слушал не особенно внимательно».¹

В допросе епископа Афанасия следователь так же пытался выяснить: «О ком Вы говорили, упоминая «вас гонят, ненавидят»? Как Вы ставили вопрос об обновленцах на проповеди? Не ставили ли Вы там вопрос о них, как о приверженцах Соввласти?».²

Несмотря на то, что владыка «решительно отрицал возможность постановки в такой плоскости вопроса», он был признан виновным.³ Разумеется, это послужило одним из обоснований его преследования органами. 26 января 1926 года ОГПУ вынесло решение « о привлечении епископа Афанасия (Сахарова) в качестве обвиняемого в антисоветской агитации и присвоении себе административных прав по статье 69 и статье 123 УК».⁴

К этому времени авторитет епископа Афанасия (Сахарова) в среде церковного народа был велик. В его следственном деле находятся три ходатайства «групп верующих церковно-приходского собрания», оформленных протоколом, с прошением «перед Владимирским ГПУ об освобождении из заключения Епископа Афанасия, так как он ничего не говорил у нас против Советской власти».⁵

Такое прошение подтверждает относительную «мягкость» советского режима тех лет, когда народ еще не боялся писать прошение в защиту своих священнослужителей.

¹ АВЕ. Ф. ЕА(С). Оп..1. Д.2 Л.8.

² АВЕ. Ф. ЕА(С). Оп..1. Д.2 Л. 12-13.

³ Из «Постановления о привлечении в качестве обвиняемого»: «При совершении служб говорил проповеди: а) 8-го , за всенощной, о разделении Церкви на группы, где о враждебной ему группе «обновленцев» говорил, что их следует гнать из приходов как приверженцев Соввласти. б) 9-го, за обедней говорил проповедь о «житии св.Георгия», указывая не бояться «тюрем и судищ». При чем общее впечатление речи давало понимать, что якобы гонения на христиан есть и в наших Советских условиях. Достаточно изобличается в антисоветской агитации и присвоении себе административных прав». АВЕ. Ф. ЕА(С). Оп..1. Д.2 Л.23.

⁴ Сергия (Ежикова), инокиня. Указ. соч. С. 101.

⁵ АВЕ. Ф. ЕА(С). Оп..1. Д.2 Л. 27.

Вопрос о реальном отношении верующих к советской власти очевиден, иначе следователи ОГПУ не задавали бы столь настойчиво этого вопроса. Но для нашего исследования он носит важный характер: считал ли возможным владыка Афанасий помянуть за богослужением советскую власть? Вопрос об отношении к «безбожной власти» встал для формировавшегося движения «непоминающих» раньше, чем проблема поминовения в церковной молитве митрополита Сергия (Страгородского) как Патриаршего Местоблюстителя.

Свое отношение к советской власти епископ Афанасий на допросах не скрывал. С 1926 года в протоколах допроса о его политических убеждениях он открыто говорит – «монархист». Более того, он определяет границы своей лояльности: «На заданный вопрос о моей политической благонадежности по существу его отвечаю, что если мне представится знать о контрреволюционных деяниях, совершаемых какими-либо лицами против Соввласти, то об этом не считаю обязанным ставить в известность надлежащие органы власти, и если такие случаи органам власти удастся установить, то я готов всегда понести наказание, т.к. на это распространяется соответствующая статья закона, которая мне известна. Этим определяется мое отношение к Соввласти».¹

Анализ материалов следственных дел, заведенных органами ОГПУ на епископа Афанасия позволяет судить не только о его легальной активной деятельности, но и о создании катакомбной инфраструктуры (домовых храмов и монастырей, изготовлении антиминсов и богослужebной утвари, подпольной «типографии» для самиздата) уже в середине 20-х годов, связи подконтрольных ему владимирских общин, предположительно, с московскими группами «даниловцев». Об этом говорят визиты к нему архиепископа Феодора (Поздеевского) и архимандрита Симеона (Холомогорова), которые не укрылись от глаз чекистов. Все это говорит о постепенном превращении епископа Афанасия (Сахарова) в признанного регионального лидера «церковной оппозиции». Этому также способствовала

¹ АВЕ. Ф. ЕА(С). Оп..1. Д.2 Л. 31.

его высокая нравственная репутация среди верующих, как принципиального борца с обновленческим расколом и стойкого узника в тюрьмах ОГПУ, который не дает признательных показаний на других подозреваемых. Поэтому Владимир и был избран «даниловцами» как один из подпольных центров. Исключая обвинения в «контрреволюции», надо согласиться с тем, что следствию удалось установить в результате агентурных доносов и признательных показаний обвиняемых: наличие трех общин, совершение тайных литургий, крещений, монашеских постригов, а также попытки создать нелегальные богословские курсы – «духовную академию». Это также можно признать правдоподобным: архиепископ Феодор был ректором МДА, архимандрит Симеон – преподавателем МДА, епископ Афанасий – преподавателем Владимирской духовной семинарии.¹

На примере событий во Владимирской епархии видна общая тенденция в формировании двух церковных оппозиций – «левой» – обновленцев и

¹ Из материалов дела в обвинительном заключении от 21 сентября 1936 г. говорится: «Центр организации в г. Владимире развернул активную деятельность по насаждению нелегальных групп «Истинно Православной Церкви», вокруг которых объединились реакционные церковники и проводилась антисоветская агитация. Таких групп было создано в г. Владимире три – одна возглавлялась Розановым, вторая – Сабуровыми и третья – Холмогоровым». Архив ФСБ по Владимирской области. № П- 8218 Т.1. Д.5..Л.65. Копия из личного архива прот. Хижего М.

Дальше говорится: «По отдельным группам, входящим в состав организации, устраивались нелегальные церковные службы, тайные крещения взрослых детей и моления за быв. царя Романова Николая II. Такие собрания устраивались: у обвиняемой Виноградовой с участием Розанова, Виноградовой и Жабинского (скрывается); в квартире архим. Холмогорова». «У обвиняемых: Виноградовой и Потапова проводились нелегальные встречи учеников и руководителей к/р групп с нелегалом еп. Сахаровым. Постоянными участниками этих встреч были: Потапов, Смирнов, Розанов, Сахаров, Виноградова и Холмогоров. В целях насаждения реакционных кадров церковников участниками центра производились тайные постриги в монашество.

Так, например, с разрешения Гришина были пострижены в тайные монахи Лобов, Борошенко, Фомина и др.» Там же. Л. 66.

В том же обвинительном заключении в отношении епископа Афанасия (Сахарова) сказано, что он обвиняется в том, что: «а) был в числе инициаторов создания к/р центра организации тайных церквей на Украине, в Ивановской и Московской обл. б) Проживая до ареста нелегально, Сахаров имел связь с идеологом "ИПЦ" митр. Кириллом, объезжал и инструктировал сторонников к/р платформы ссыльного епископата о насаждении тайных к/р групп "ИПЦ". в) возглавлял к/р группу церковников в пос. Петушки Московской области, проводил антисоветские беседы с инициаторами создания к/р групп и тайных церквей в г. Владимире. г) имел нелегальную связь с руководителем к/р подполья церковников – архим. Холмогоровым». Там же. Л.67.

«правой» – катакомбников. Можно согласиться с исследователями, которые считают, что «генезис правой и левой оппозиции – различен. Левая оппозиция возникает как движение инициированное или, во всяком случае, активно поддерживаемое государственной властью. Соответственно левая оппозиция лояльна по отношению к светской власти и ее религиозной (=антирелигиозной) политике. Левая оппозиция антагонистична ортодоксии (староцерковничеству, тихоновщине), как направлению имплицитно (а иногда и откровенно) враждебного атеистическому государству».¹

Разумеется, оппозиция не может быть безадресной, она должна противостоять какой-либо политике, каким-либо политическим или церковным персонажам. Правая оппозиция оформляется под влиянием слома старой государственной машины – монархического государства и его представительств, как результат неприятия преобразований в области государственного устройства по советскому образцу, и, особенно, в сфере государственно-церковных отношений. Правая оппозиция, по мнению историков, не была однородной, и ее генезис более сложен, чем генезис левой оппозиции.² При Патриархе Тихоне «правая оппозиция» не могла сформироваться, поскольку сам Патриарх стоял на правых позициях до 1923 года и появление «нелегальной церкви» – «катакомбников» не имело никакого смысла.

Одним из маркеров «правой оппозиции» было ее отношение к советской власти и возможности ее молитвенного поминовения за богослужением. Поместный собор 1917 года 4 ноября спустя 10 дней после октябрьского переворота одобрил составленный архиепископом Кишиневским Анастасием (Грибановским) «Чин избрания Патриарха всея России». Он содержал формулу ектыйного поминовения новых светских (уже советских) властей: «Еще молимся о Богохранимой Державе Российской, правителях ея и о всем христоролюбивом воинстве». Оно стало первой молитвенной формулой помина

¹ Журавский А.В. Указ. соч. С. 210.

² Там же. С. 210.

советских властей, утвержденной Поместным Собором.¹ В те дни еще никто не знал о будущей антицерковной и антирелигиозной политике большевиков. Церковь с первых дней существования новой власти заявила о своей лояльности, отсутствии у нее намерений принимать участие в политической и, тем более, вооруженной борьбе.

Однако уже первые декреты советской власти, политика «красного террора», начало гражданской войны заставили Церковь пересмотреть свое отношение к ней. И вот в 1918 году 19 января выходит «Послание Святейшего Патриарха Тихона об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной», в котором говорится: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей земной.

Властью, данную Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое либо общение: «Измите злаго от вас самех (1 Кор. V, 13)».²

Хотя текст и не называл «безумцев» поименно, но было очевидно, что это большевики, учинившие погром Церкви. Патриарх написал очень осторожное послание, видимо, надеясь на покаяние некоторых «у власти суть». Он был очень осторожен и дипломатичен, на сколько это было возможно, обошел в тексте роковой вопрос русской революции – национальный. Все понимали, что главным организатором расправы над духовенством и верующими являлся Лев Троцкий, остававшийся в тени органов ОГПУ. Очевидно, любое упоминание о его еврейском происхождении

¹ Бабкин М. Всероссийский выбор. НГ-Религии. 2009. 26 января.

могло в разы усилить эмоциональное воздействие послания на массы, благодаря очевидной для всех евангельской аналогии. Но Патриарх не хотел защищать Церковь ценой раздувания антисемитской пропаганды. И это было не только безнравственно, но и небезопасно: использование антисемитской риторики было излюбленным приемом белогвардейской пропаганды и привело бы к обвинению Церкви в «пособничестве контрреволюции».

Именно эти слова осуждения в адрес властей, сказанные Патриархом, послужили основанием для отказа поминать «даниловцами» и сочувствующим им группам катакомбников «безбожную власть». Когда в 1923 году, выйдя на свободу, Патриарх Тихон начал искать компромисс с советской властью, сторонники архиепископа Феодора (Поздеевского) стали жестко критиковать его за эти шаги к примирению.

«Подпольная церковь» служившая в потаенных комнатах, где на литургии присутствовало не более 5 человек проверенных христиан, не утруждала себя гласным поминовением советской власти. Там, где оставалась возможность в не захваченных обновленцами храмах служить для народа, можно было совершать молитву так, как это делали в Высоко-Петровском монастыре, где настоятелем был архиепископ Варфоломей (Ремов), монахи в мире совести и покойном сознании поминали «сущих у власти» по указанию святителя Тихона . Первоначально, советская власть равнодушно относилась к молитве о ней за богослужением, пока не увидела в отказе от нее социальный и политический протест (также как в гласной молитве о жертвах репрессий). Органы ОГПУ пристально интересовались у заключенных на допросах поминовением казненного императора и его семьи. Даже празднование памяти мученицы царицы Александры (тезоименитство императрицы Александры Федоровны) могли счесть «контрреволюцией».¹

¹ АВЕ. Ф. ЕА(С). Оп..1. Д.2 Л. 32.

2.2. «Выборы патриарха» в 1926 году.

Критическая ситуация, в которой оказалась Православная Церковь требовала от иерархии шагов по спасению ее от окончательного разгрома. Советской власти удалось укрепить обновленческий раскол, фактически поставить «тихоновские» приходы вне закона, лишив их регистрации. Коллективизация крестьянства ускорила процесс уничтожения монашеских сельскохозяйственных коммун. Особой проблемой для церковной жизни после кончины Патриарха Тихона стала ее децентрализация. Несмотря на то, что существовали местоблюстители, вопрос о выборах Предстоятеля Церкви в этих условиях был самой насущной проблемой. Одним из последствий репрессивной политики стало отсутствие достоверной информации о судьбе первого Местоблюстителя митрополита Петра Крутицкого и других архиереев – митрополита Кирилла (Смирнова) и митрополита Агафангела (Преображенского), чьи канонические полномочия вызывали в этих условиях вопросы.

Созыв поместного или архиерейского собора в те годы, разумеется, был невозможен. Тогда группа епископов во главе с митрополитом Сергием (Страгородским), Заместителем Местоблюстителя митрополита Петра, предприняла попытку провести «тайные выборы Патриарха», собрав подписи архиереев в пользу возможных кандидатов.

ОГПУ сравнительно быстро узнало от своих осведомителей об этих планах епископата, активные участники этого мероприятия, находившиеся на свободе, были арестованы. Из показаний, данных на следствии, становится ясным, что первым кандидатом на патриарший престол был митрополит Кирилл (Смирнов), будущий лидер «непоминающих», оказавшийся в оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). В результате допросов схваченных епископов, ОГПУ удалось составить достаточно полный список архиереев, участвовавших в «тайных выборах Патриарха». Среди них 24-м в списке оказался епископ Афанасий (Сахаров). То, что ковровский архиерей уже был известен в церковной среде и обладал определенным авторитетом, об

этом говорит тот факт, что город Владимир, где тогда он проживал, предполагалось использовать для выборов Патриарха.¹

Из материалов допроса видна стойкость владыки Афанасия: он старается не назвать следователю новых имен, не дает никаких характеристик людям, которые подозреваются следственными органами в «антисоветской деятельности». Одной из причин его ареста стал установленный ОГПУ факт передачи им «Соловецкой декларации» – обращения к советскому правительству православных епископов, находившихся в СЛОНе (Соловецком лагере особого назначения) для ознакомления митрополиту Сергию (Страгородскому). Это говорит о широких связях владыки Афанасия с исповедниками веры, особым доверием к нему с их стороны и наличием у него соответствующих конспиративных связей и каналов для передачи подобных документов из неволи. Разумеется, никаких имен и тайн епископ следствию не раскрыл: «Не помню как она попала ко мне, не могу точно определить моего к ней отношения, так как я ознакомился с ней, мельком проглядев ее».²

На допросе у следователя Казанского (фамилия выдает выходца из духовного сословия, а, значит, что-то понимавшего в устройстве церковной жизни) 20 января епископ Афанасий отказался рассказывать, зачем к нему приезжал епископ Павлин, но на вопрос: «А каково Ваше личное мнение об

¹ Из показаний митрополита Иосифа (Петровых) от 10 декабря 1926 г.: «Павлин мне объяснил, что, желая положить конец не- определенному положению в церкви, он собирает мнения о возможности избрания патриарха (или вообще главы церкви). Я указал на записочке, запечатанной в конверт, что желательным кандидатом считаю Кирилла, митрополита, или Сергия. Я вовсе не считал, что, давая свое мнение, присоединяюсь к какому- то решению, долженствующему заменить соборное решение. Я имел в виду совещание, которое должно было состояться в г. Владимире, и полагал, что это просто предварительный обмен мнениями перед совещанием. Павлин мне не говорил, что сумма мнений по этому вопросу будет иметь характер постановления собора, и я сам считаю “собор по переписке” нелепостью. Знай я это, я ни в коем случае своего мнения не подавал бы, по указанной причине. Сам я лично митрополита Кирилла не знаю, настроений его и отношения к Соввласти тоже не знаю. Но знаю, что ему доверяют церковные деятели». Цит. по: Мазырин А., священник. «Духовный собор» епископов и вопрос о тайных выборах Патриарха в 1926 году //Вестник ПСТГУ. Вып.2 (45). 2012. С.20-43. С. 33.

² Сергия (Ежикова), инокиня. Указ. Соч. С.112.

избрании митр[ополита] Кирилла в патриархи?» – ответил прямо: «Я считаю его наиболее достойным кандидатом».¹

Он провел пять дней в одной камере с митрополитом Сергием (Страгородским) в период следствия. После допросов епископу Афанасию (Сахарову) вынесли приговор – три года Соловков за «участие в антисоветской группе архиереев и передачу антисоветского документа «Соловецкая декларация»». По меркам того времени, владыка получил незначительный срок, судя по материалам следствия, не подвергался «мерам прямого физического воздействия». Однако его приговор стал частью оперативной деятельности ОГПУ по расколу Православной Церкви. Во-первых, чекисты освободили из под стражи митрополита Сергия (Страгородского), несмотря на его значительную роль в организации «тайных выборов Патриарха». Причем материалы следствия не дают оснований считать, что митрополит «сотрудничал» с ОГПУ: он также не называл имен, уклонялся от дачи показаний, которые могли быть использованы для осуждения других священнослужителей, проходивших по этому делу.² Его освобождение скорее надо считать специальной акцией ОГПУ по его дискредитации в глазах других «антисоветски настроенных епископов». Надо признать, эта операция чекистам удалась. Позднее епископ Афанасий (Сахаров) в своих воспоминаниях обращал внимание на тот факт, что митрополит был освобожден, а другие епископы осуждены. Во-вторых, невозможно ничем другим объяснить странную, на первый взгляд, логику избранием для него места лишения свободы – Соловецкий лагерь особого назначения. Можно согласиться с о.А. Мазыриным с его выводом:

«Печально закончившаяся история «Павлин в клетке» стала своего рода вершиной нелегальной деятельности православного епископата, его попыток самоорганизации в борьбе за внутреннюю свободу Церкви. Она же выявила и предел возможностей такой нелегальной самоорганизации. В дальнейшем

¹ Сергия (Ежикова), инокиня. Указ. Соч. С.112.

² Хижий М., протоиерей. Указ. соч. С.145.

одни ее участники пришли к выводу о бесперспективности стремления существовать, «закрывшись от власти», другие, не пожелавшие идти на сотрудничество с богоборцами, отправились в ссылки и лагеря».¹

К этому остается добавить то, что богоборческую власть уже не устраивал раскол Церкви на «сменовеховское» и «старорежимное» духовенство. Власть хотела большего: раскола внутри последователей Патриарха Тихона. Можно предположить, что дело о «тайных выборах» она использовала максимально для достижения данной цели. Что побудило ОГПУ инспирировать раскол? Не только желание ослабить «тихоновский епископат» в противовес «живоцерковникам». Видимо власть предвидела неизбежный крах обновленчества, терявшего популярность в народе, и готовила себе управляемую иерархию из «старорежимного епископата». Ставка была сделана на митрополита Сергия (Страгородского). Поэтому появление «Декларации 1927 года» было закономерным: подготовленный текст жестко требовал от Церкви лояльности к советской власти и стал фактическим маркером, отличавшим лояльное духовенство от нелояльного.

2.3. Митрополит Сергей (Страгородский): Декларация 1927 года и фактическое оформление движения «непоминающих».²

18 августа 1927 года была опубликована в газете «Известия» «Декларация митрополита Сергия (Страгородского)». На самом деле авторство этого документа принадлежало не ему и даже не собранному им Синоду, а совсем другой организации, уполномоченной бороться с Церковью. Хотя текст датирован 29 июля, он вышел в официальном рупоре советской пропаганды со значительным опозданием: изданный в виде листовки 5-тысячным тиражом документ был отвергнут большинством православных приходов. Правительство вынуждено опубликовать декларацию в своей

¹ Мазырин А. Указ. Соч. С.43.

² См.: Хижий М. Л. Декларация 1927 года и «движения непоминающих» в Православной церкви. // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 2 (30). С. 103-110.

газете. Этот факт сразу обозначил непростую судьбу подписанного митрополитом Сергием текста в истории Русской Православной Церкви.¹

Несмотря на то, что «Послание (декларация) Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и временного при нем Патриаршего Священного Синода об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти» (таково полное официальное название документа) было, в известной степени, продолжением курса Патриарха Тихона, оно стало краеугольным камнем во внутрицерковных разногласиях: о канонических границах власти Заместителя Местоблюстителя, об отношении к Советскому государству и к советской власти.

Непосредственным предшественником «Декларации 1927 года» принято считать «Послание Святейшего Патриарха Тихона об отношении к существующей государственной власти», подписанное им 7 апреля 1925 года в день своей кончины и позже опубликованного в советской прессе. Документ получил неправомерное название «предсмертного завещания». Об авторстве этого текста написано довольно много в современной историографии и считается, что подлинным сочинителем был сотрудник (или начальник) 6 отдела ОГПУ.² Однако принципиальным являются те вопросы, которые несомненно волновали Патриарха: ходатайство о регистрации Временного Патриаршего Синода из 7 иерархов до созыва Поместного Собора. В «Послании» содержались следующие строки: «Мы призываем всех возлюбленных чад богохранимой Церкви Российской в сие ответственное время строительства общего благосостояния народа слиться с Нами в горячей молитве ко Всевышнему о ниспослании помощи рабоче-крестьянской власти

¹ «Именно она («декларация») на долгие годы стала той “лакмусовой бумажкой”, с помощью которой многие современники (да и исследователи) пытались определить значение совершенного вл. Сергием в русской церковной истории XX столетия. Не будет преувеличением сказать, что большинство оценок митрополита непосредственно увязываются с Декларацией и ее последствиями. Она давно стала своеобразным “этическим мериллом”, критерием добра и зла (все зависит лишь от принципиального отношения к вл. Сергию, либо pro, либо contra)». Цит. по: Фирсов С. Л. Время в судьбе: Святейший Сергий, Патриарх Московский и всея Руси: К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 1999. С. 172.

² Там же. С.144.

в ее трудах для общенародного блага. Призываем и церковноприходские общины, и особенно их исполнительные органы, не допускать никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская власть – действительно Народная рабоче-крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая». ¹

Разумеется, в своей «Декларации» митрополиту Сергию (Страгородскому) уже пришлось пойти на значительно большие уступки советской власти. В «Завещании» «прослеживалось стремление избежать политически ангажированных заявлений», отказ от церковного суда по политическим мотивам. Документ 1925 года говорит о признании политической системы – власти рабочих и крестьян, а митрополит Сергей вынужден был говорить уже о «гражданской родине, Советском Союзе». ²

Несмотря на значительное сходство двух текстов, «Декларация», по меткому определению С.Л. Фирсова, «не соответствовала психологическому настрою большинства верующего народа в СССР». И это большинство, а тем более, пассионарии из числа образовавшегося движения «непоминающих», не могли простить этот поступок Заместителю Местоблюстителю. Одной из групп движения «непоминающих», как уже говорилось выше, была «даниловская оппозиция», которая появилась еще при Патриархе Тихоне около 1922 года. Ее возглавил архиепископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), авторитетный иерарх. Епископ Афанасий (Сахаров), как уже упоминалось, находился с ним и его окружением в тесном общении. Поводом для критики Патриарха Тихона стали, по их мнению, компромиссы с советской властью, проводившей антицерковную политику. О владыке Феодоре говорили: «Строгий монах, человек бескомпромиссной твердости, он считал, что Церкви незачем вступать в диалог с атеистическим

¹ Акты Святейшего Патриарха Тихона. Указ. соч. С.510.

² Фирсов С.Л. Указ. Соч. С.163.

государством».¹ После кончины Патриарха, часть «даниловцев», и их духовный лидер – архиепископ Феодор (Поздеевский), отказалась признать законными местоблюстительские полномочия митрополита Петра (Полянского). Но, по некоторым данным, епископ Афанасий не разделял такую жесткую позицию. «Декларацию» митрополита Сергия «даниловцы» восприняли как капитуляцию перед безбожной властью. Однако архиепископ Феодор не ушел в раскол, но перестал возносить имя Заместителя Местоблюстителя за богослужением. Но «даниловцы» и их лидер, впрочем, продолжали убеждать митрополита Сергия (Страгородского) отказаться от сотрудничества с безбожниками.

Уже в середине 20-х ОГПУ провело массовые аресты «даниловцев» в Москве и других городах. Движение, объединявшее собою более 30 архиереев, по крайней мере, организационно, было разгромлено. Однако, именно «параллельный Синод» из «даниловцев» явился тем закладным камнем, на котором стала утверждаться Катакомбная Церковь. Несмотря на тесные отношения с архиепископом Феодором (Поздеевским), владыка Афанасий по своим взглядам был ближе к митрополиту Кириллу (Смирнову), с которым его связывала духовная дружба. В первую очередь, святитель Афанасий Ковровский подписал известное послание соловецких епископов митрополиту Сергию (Страгородскому) с критикой его «Декларации». Он не разделял в полной мере критическое отношение к Патриарху Тихону и признавал канонические права Местоблюстителя Петра (Полянского). Эти существенные отличия его церковной позиции от «даниловцев» станут ясны позднее – на основании материалов допросов НКВД в 1943 году.

«Вопрос: А как вы отнеслись к митрополиту Сергию в связи с его декларацией о лояльном отношении к Советской власти?»

Ответ: Как известно, патриарх Тихон перед смертью завещал престол патриарха или вернее местоблюстителя православной церкви митрополитам Агафангелу, Кириллу Смирнову и Петру Крутицкому. Поскольку на

¹ Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского). М., 2004. С. 101.

погребении Тихона был только Петр Крутицкий, он и принял эту должность место блюстителя православной церкви. Я, как и другие архиереи, считал законной церковную власть Петра Крутицкого. В декабре 1925 года митрополита Петра арестовали, и он оставил своим заместителем митрополита Сергия Страгородского. Эту власть Сергия я признал законной. В 1927 году, когда митрополиты Петр и Кирилл, как и я, находились в заключении, митрополит Сергий выступил с декларацией о лояльном отношении духовенства к Советской власти, а после этого в 1930 году я узнал, что Сергий, превысив свои полномочия, объявил себя митрополитом Московским и Коломенским (епархии, которыми мог управлять только патриарх) и заявил, что он не обязан отчитываться в своих действиях перед митрополитом Петром Крутицким. Вернее, он объявил себя главой православной церкви. Я не признал законной власть митрополита Сергия и, возвратившись из ссылки в 1933 году, я написал Сергию о своем отходе от него и о том, что я под его руководством управлять епархией не буду».¹

Анализ документа показывает его лояльное отношение к Патриарху Тихону и митрополиту Петру, что существенно отличало его позицию от позиции «даниловцев». На этом основании некоторые исследователи считают, что владыка Афанасий в большей степени в эти годы был близок группе «мечевцев», духовным лидером которых был московский священник Сергей Мечев.² К ним также относились епископ Серпуховской Арсений (Жадановский), епископ Дмитровский Серафим (Звездинский) и еще 3-4 архиерея.

Однако нельзя считать, что движение «непоминающих» было гомогенным: как правило, члены церковной оппозиции корректировали свои взгляды в зависимости от обстоятельств. Например, епископ Афанасий с июня 1927 по февраль 1930 отбывал свой срок на Соловках и не знал об отделении митрополита Кирилла от Заместителя Местоблюстителя, потому что

¹ АВЕ. Ф. ЕА(С). Оп. 1. Д.5.Т.1. Л.9.

² Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 245.

ковровский узник просто не имел связи с Казанским архипастырем.¹ И только встретившись с ним на пересылке в Красноярске, он принял решение отойти от митрополита Сергия. Когда в 1933 году епископ Афанасий вернулся во Владимир, он отказался засвидетельствовать владимирскому архиерею свою лояльность «сергиевцам» и не принял на себя обязанности Ковровского vikария. Надо согласиться с мнением, что многие архиереи фактически уходили за штат, устранялись от церковной жизни, «оставаясь в рамках легальности».²

Группа «мечевцев», в которую принято включать епископа Афанасия имела не менее двух направлений. В доносе в ОГПУ одну группу характеризуют как «страдающую неискренностью и двойственностью в отношении митрополита Сергия, которого частью признают, частью не признают, одни его распоряжения исполняют, другие не исполняют». Среди «мечевцев» были также последователи митрополита Кирилла, которые «пытались поставить вопрос о м. Сергии чисто в область церковного спора».³ К ней, скорее всего, принадлежал ковровский святитель.

О связях с «мечевцами» и тайных хиротониях священников для церковного подполья говорит интересный факт: в середине 30-х, вместе с некоторыми другими духовными детьми о. Сергия Мечева – братьями маросейской общины (Константином Апушкиным, Валерием Поведским, Борисом Васильевым) был тайно рукоположен в священный сан Р. В. Ольдекоп. Первые трое были ставленниками митрополита Мануила (Лемешевского), но Ольдекоп принял посвящение от рук владыки Афанасия.⁴ Таким образом, владыка Афанасий стоял у истоков практики рукоположения катакомбных священников для подпольных общин, что особенно значимо – подпольных общин Москвы.

¹ Мазырин А., священник. Указ. соч. С. 127.

² Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 245.

³ Мазырин А. Указ. соч. С. 111.

⁴ Интервью О.А. Кавелиной. Магнитофонная запись. Личный архив протоиерея Хижего М.

Безусловно, появление «Декларации 1927» оказало значительное влияние на радикализацию церковного подполья, формированию церковной оппозиции курсу Заместителя Местоблюстителя. Но документ, еще раз обратим внимание, появился в переломную эпоху – НЭП («либеральная политика» в СССР) еще не был окончательно свернут, коллективизация еще не началась. Некоторый оптимизм митрополиту Сергию (Страгородскому), внимательно следившему за всеми переменами в стране, могло внушать одно важное обстоятельство – в 1927 году был снят со всех постов и позднее отправлен в ссылку главный организатор уничтожения Православной Церкви – Л.Д. Троцкий. Для митрополита политический крах Троцкого и его курса был очевиден: с 1926 года во всех партийных изданиях началась его травля как «оппортуниста». Примечательно, не один из оппонентов Заместителя Местоблюстителя не проявлял интереса к этой важной информации.

Определяющую роль в отношении к позиции митрополита Сергия (Страгородского) играло мнение авторитетных архиереев, в первую очередь, митрополитов Кирилла (Смирнова) и Петра (Полянского). Точка зрения на церковные проблемы епископа Афанасия формировалась под влиянием митрополита Кирилла, которого он поддерживал. Суть этой позиции сводилась к следующему: Заместитель Местоблюстителя превысил свои полномочия в управлении Церковью. Именно это, как было показано выше, утверждал на допросах в ОГПУ-НКВД владыка Афанасий (Сахаров). Однако, читая материалы его следственных дел, воспоминания современников, почти невозможно согласиться с его показаниями о «церковном подполье» (владыка старался уйти от преследования ОГПУ) : «Сторонником нелегальной Православной Церкви я никогда не являлся. Что касается Патриарха Сергия, то я не согласен был с ним лишь в том, что он нарушением церковных правил присвоил права митрополита Петра».¹

Участие и организация епископом Афанасием тайных богослужений во Владимире, рукоположение священников для «катакомбного служения»,

¹ АВЕ. Ф. ЕА (С). ОП. 1. Д. 5. Т.1. Л.43.

тесные контакты с «даниловцами» и «мечевцами», распространение «соловецкого послания» – все это говорило об обратном. Он был одним из лидеров нелегальной церковной организации. Разумеется, не только признание этого факта грозило смертной казнью для него и его окружения, которое автоматически переходило в разряд сообщников для органов ОГПУ – НКВД, но и отказ от признания «Декларации 1927» по «политическим мотивам», был достаточным поводом для усугубления своего положения во время следствия.

Существенной причиной охлаждения епископа Афанасия и других «непоминающих» к митрополиту Сергию были причины, о которых на допросах в органах не говорили. Это стало известно после публикации отчетов осведомителя ОГПУ, в которых он дает объяснение разногласий группы митрополита Кирилла (Смирнова) и епископа Афанасия (Сахарова): «Вовсе не во внешних проявлениях деятельности – декларация и пр. – это вопросы. О которых можно спорить, договариваться и пр. Это ставит во главу угла группа архиепископа Димитрия. Мы во главу угла ставим внутреннюю суть, организацию беззаконного «синода» и подмену тем евангельской идеи душепастырствования идеей чиновничества церковного, идеей Церкви «в мундире и при регалиях». «Теперь мы можем писать резолюции за столом и в кабинете», – сказал один из иерархов Сергиева «синода», когда появился этот «синод». Да, если идея спасения души в резолюциях, то они правы, но я с этим в корне не согласен и вижу в этом грань ереси и, пожалуй, ересь «гасителей духа церковного», противников апостола Павла, сказавшего: «духа не угашайте, противников идеи евангельской, сказанной апостолу Петру, «паси агнцы Моя», а не «пиши агнцам резолюции». Когда появился ВЦУ. Митрополит Кирилл высказался: «Туда пойдут те, кому дороги номера входящие и исходящие, а нам они не нужны, будем учиться не бумагописанию, а посту, молитве, богомыслию и окормлению душ по Христу». Вот эта-то разница мирозерцания митрополита Кирилла и Сергиева иерарха и является той основной причиной – пропастью, которая нас

разделяет, и лишь перемена митрополитом Сергием направления в сторону отмены бумажного «синода» может привести его к идее душепастырства, а затем и к примирению с нами».¹

Епископ Афанасий, судя по его отношению к сергиевским епископам (отказ от сотрудничества), не мог не разделять данных взглядов, тем более, что это отношение к политике митрополита Сергия было уже «общим местом» для церковной оппозиции.

В 30-е годы святитель Афанасий приобретает все навыки церковного подпольщика, пройдя скорбный путь исповедника. Главные знания были просты: не называть никаких новых имен на следствии (это видно по его показаниям), не признавать политических обвинений (настаивать исключительно на церковных разногласиях с советской властью и лояльными ей епископами), использовать условные прозвища в переписке, шифруя подлинные имена. Так, например, в своих письмах митрополита Кирилла он называет «дедушкой», осведомителя священника Николая Дулова – «Колей» и т.п.²

С середины 30-х годов политические репрессии в СССР усиливаются. Начинается «ежовщина», положившая начало массового применения пыток на этапе дознания в органах НКВД, вынесения приговоров к «высшей мере социальной защиты». Люди, близко знавшие епископа Афанасия в те годы, обращали внимание на то, что до 37-го года священнослужителям в тюрьмах и лагерях еще разрешали носить духовную одежду и длинные волосы, приличествующие их сану. При наркоме Ежове тюремный режим ужесточается: ограничивается переписка, продовольственные посылки, отнимаются личные вещи заключенных.³

¹ Цит. по: Мазырин А. Указ. соч. С. 111.

² Там же. С.113.

³ Письмо епископа Афанасия (Сахарова) Наркому внутренних дел от 2.03.1939 : « О религиозной свободе не приходится и говорить. Я не только не могу иметь Евангелия или какой-либо религиозной книги, но и крашенное яичко ..., вызвало ряд неприятных объяснений. Мне известно о распоряжении центральных тюремных властей не принуждать служителей культа к стрижке волос. Меня стригут насильно с ругательствами и

Как это не удивительно, но от расстрела святителя Афанасия спас арест в 1936 году. Он был обвинен в создании «по поручению Ватикана» структур подпольной Истинно-православной церкви и получил по тем временам довольно щадящий срок – пять лет лагерей с отбыванием на Беломорканале.

В 1937 году НКВД обвиняет «церковников» в пособничестве фашистам и массово приговаривает к расстрелу. Так погибли архиепископ Феодор (Поздеевский) и большинство «даниловцев» и «мечевцев», арестованных в этот год.

ГЛАВА III. ПАТРИАРХ СЕРГИЙ (СТРАГОРОДСКИЙ) И ЕПИСКОП АФАНАСИЙ (САХАРОВ) В 1941- 1946 гг.: КОНЕЦ ДИСКУССИИ.

3.1. Отношение к Великой Отечественной войне¹

Летом 1941 года, когда началась война, епископ Афанасий (Сахаров) вместе с другими заключенными был отправлен пешим этапом вглубь страны, на 400 километров восточнее – в Архангельскую область. Великая отечественная война стала новым испытанием для всего народа и для верующих.

Дело в том, что нападение фашистской Германии на СССР было воспринято неоднозначно в церковной среде. По данным историков, к июню 1941 на свободе оставалось только 4 епископа: митрополит Сергей (Страгородский), митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) и незначительное количество (по разным данным от 8 до 5 тысяч) священников. Около 10 епископов находились на покое по болезни или по причине преклонного возраста. Епархиальная структура фактически была уничтожена органами НКВД. По приблизительным оценкам, на 1941 год с учетом присоединения к СССР территорий Западной Украины и Белоруссии действовало около 3000 храмов.² В этих условиях внутри церковного подполья сложились устойчивые антисоветские и антикоммунистические настроения : отказ о поминовении советской власти в молитвах, отказ от советских паспортов, от использования советских денежных купюр с портретами Ленин, неприятия советской символики как антихристианской и т.п. Разумеется, катакомбный антикоммунизм имел религиозное обоснование, которое диктовало уклонение от работы в колхозах, в советских учреждениях, службе в армии – все это расценивалось как

¹ См.: Хижий М. Л. Епископ Афанасий (Сахаров) и «движение непоминающих» в годы Великой отечественной войны // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 2 (22). С. 92-99.

² Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 215.

служение антихристу. Монархизм, почитание последнего императора были широко распространены в этой среде.

В определенной степени эти взгляды частично разделял и епископ Афанасий. Из следственных дел известно, что он не скрывал своих монархических убеждений. Сохранились свидетельства о почитании им Государя Николая II.¹ Одним из обвинений, предъявленных ему, было нелегальное проживание в населенных пунктах – следовательно, нарушение паспортного режима, уклонение от прописки. Большинство епископов из числа «церковной оппозиции», благословляли не брать советские удостоверения личности, потому что при регистрации органы легко выявляли «контрреволюционеров», подлежащих репрессиям. Одновременно существовало и «мистическое» отношение к паспортам как к «печати антихриста». Конечно, это не означает того, что владыка разделял все взгляды, присущие среде катакомбников, тем более сомнительные в богословском отношении.

Но существование в СССР достаточно многочисленного церковного подполья, фактически созданного репрессивной политикой органов НКВД, препятствовавшими не только регистрации епархий и приходов Православной Церкви, но и сделавших религиозную жизнь по сути нелегальной, создавало в условиях военного времени все условия для коллаборационизма в церковной среде. Первый, кто осознал угрозу этого явления, был Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский). Его «Послание пастырям и пасомым Православной Церкви» вышло уже 22 июня 1941 года, раньше обращения И.Сталина к советскому народу. Местоблюститель с первых слов дал оценку германскому фашизму, в которой он указал на то, что «потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать

¹ Интервью Н.С. Фиолетовой. Магнитофонная запись. Личный архив протоиерея Хижего М.

благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству».¹ Этот пафос не был формальной декларацией – будущий Патриарх прекрасно знал, что главным обвинением 37-го года для священнослужителей было «пособничество фашистам». Он в своем послании пытался предупредить советскую власть от повторения репрессий по прежней уголовной статье «антисоветская деятельность», заявляя о том, что враги СССР одновременно являются врагами православного христианства. За все годы войны Местоблюститель 24 раза обратился с патриотическими воззваниями к своей пастве по различным поводам: к жителям оккупированных территорий, поддержке партизанского движения и т.п. Задача митрополита Сергия также состояла в том, чтобы удержать верующих от искушения сотрудничеством с немцами, которых могли воспринимать как «наказание Божие» для коммунистов. Для этих опасений были все основания.

Внутри катакомбного движения не существовало и не могло существовать однозначного отношения к немецкому вторжению: слишком разные группы и духовные лидеры были объединены этим понятием. Некоторые из церковного подполья пошли служить в вооруженные части коллаборационистов, сотрудничая с оккупантами. Однако преобладающей позицией оказалась сдержанное, выжидательное отношение к немецким захватчикам. В последствие некоторые из «непоминающих» публично каялись в этом.²

У нас не так много возможностей реконструировать взгляды владыки Афанасия на события Великой Отечественной войны и его отношение к политике Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). В первую очередь, необходимо учитывать деятельность священнослужителей из его окружения. Авторитет епископа Афанасия в среде «непоминающих» в эти годы существенно вырос, он, пожалуй, был одним из немногих архиереев церковного подполья, которые остались в живых к тому времени. Считается,

¹ Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). М., 2003. С. 550.

² Шкаровский М.В. Указ. соч. С.234.

что близкие к владыке архимандриты Иеракс (Бочаров) и Серафим (Батюков) придерживались патриотических взглядов. Несмотря на то, что они и их тайные прихожане преследовались НКВД как члены организации «Антисоветское церковное подполье», эти катакомбники молились о «победе Матери Божией» в войне и считали, что ни один христианин не может принять свастики.¹

В 1943 году по делу «Антисоветского церковного подполья» был привлечен епископ Афанасий. Как следует из материалов допроса, он обвинялся в ведении «антисоветской пропаганды», которая заключалась в приписываемых ему в доносе слова о том, что «нападение германцев на Россию было попущенным наказанием Божиим». На следствии владыка признал, что он действительно говорил: «... нашествие Гитлера попущено Богом как величайшее бедствие, и его мы должны принять как наказание за свои грехи. Я говорил прежде всего о том, что русские православные люди нарушили основные заповеди любви к Богу и любви к ближним... Я призывал к терпению, а не к примирению к врагу... Я действительно говорил: «Советское правительство весь период войны обманывает народ своими сводками. Немецкие потери преувеличивает, а свои скрывает».² В 1944 в июле он был признан виновным и приговорен к восьми годам заключения. Иначе, как чудом такой сравнительно мягкий по тем временам приговор назвать нельзя.

Из его показаний видно существенное расхождение с официальной позицией Московской Патриархии на происходящие события в стране и мире. Это нашло отражение в литургическом творчестве святителя. По благословению митрополита Сергия в православных храмах в военное время совершался «Молебен в нашествие супостатов, певаемый в дни Отечественной войны 1812 года». Епископ Афанасий составил в августе 1941 «Последование молебного пения об Отечестве, во дни нашествия на Русскую

¹ Глазов С. Два портрета// Вестник РХД, 1972, №106. С.498.

² Цит. по: Сергия (Ежилова). Указ. соч. С.166.

землю немцев». Его текст существенно отличался от старого. Прежде всего, 50-й псалом был заменен на 136 «На реках Вавилонских» – это отражало, по всей видимости, его взгляд на Отечество, как землю пленения врагами (безбожниками). Во-вторых, в чинопоследование были внесены имена угодников из «Службы всех святых, в земле Российской просиявших». В-третьих, заключительная молитва отражала взгляды владыки на подлинную жизнь церковного народа в безбожном государстве: «По молитвам святых очисти, Господи, Русскую землю от нечестия, безбожия, развращения. По молитвам святых очисти, Господи, русских людей от всех злых навыков во дни отступления от веры усвоенных, и да украшаются они верою, благочестием, смирением, терпением и прочими добродетелями христианскими, ими же обиловали отцы наши, по молитвам святых умудри, Господи, архипастырей и пастырей наших право править слово Твоя истины, дерзновенно, везде и пред всеми исповедывать имя Твое, безбоязненно, не взирая на лица, возвещать правду Твою».¹

Чин содержит прошение о спасении «царствующего града Москвы, яко сердце Святой Руси», святынь ее Кремля. Епископ Афанасий расставил акценты именно так, как он и сказал в своих ответах на допросе. В заключительной молитве есть намек на грехи иерархии в сотрудничестве с безбожной властью, церковные разделения, поклонение «темному западу», «современным ваалам», а также слова об исповедниках веры, «не преклонивших и риз своих не осквернивших» (*Откр. 3-4*). Последнее было очевидным указанием на переживание русским народом апокалиптических времен и эры мучеников за веру.

«Молебное пение» отражает и взгляды Афанасия (Сахарова) на особую миссию России: «Сохрани Отечество наше, яко светоч Православия не токмо для языков, в нем обитающих, но и для всего мира». В чине ничего не говорится о «властях придержащих». Их место занято «Царицею Небесной Русской земли, Владычицей Державной и Взбранной Воеводой православнаго

¹ АВЕ. Ф.ЕА (С). Оп.3.1. Д. 8. Л.7.

народа русского». Это перекликается с прошением священников-катакомбников «о победе Матери Божией». Патриархийный чин молебна был осовременен и, разумеется, исключал поминовения монархов, присущее дореволюционному варианту, но сохранял прошение о «властях и воинстве».

Епископ Афанасий на допросах в НКВД ясно сравнивал свою позицию «непоминающего» церковные и советские власти с позицией архиепископа Японского Николая (Касаткина): «Я был и остаюсь на своей позиции как монархист. Но никакой практической деятельности против советской власти не вел. Я действовал аналогично архиепископу Николаю Японскому. Он, служа в чужом государстве, поучал своих подчиненных, чтобы они молились за победу японского оружия, а сам отказался молиться за японцев. Его симпатии были на стороне русского народа. Так и я по отношению к советской власти, потому что я различных взглядов с советской властью. Мои симпатии остаются на стороне монархического строя».¹

Однако при всех различиях, новые обстоятельства, возникшие во время войны, постепенно стирали различия между сторонниками митрополита Сергия и «непоминающими». Местоблюстителю прекрасно понимал, что одним осуждением, по требованию советской власти, не вернуть в лоно Московской Патриархии катакомбников. В одном из своих посланий он говорит слова в надежде быть услышанным и церковной оппозицией: « Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие миазмы. Да послужит и наступающая военная гроза к оздоровлению атмосферы духовной».²

Несмотря на присущий святителю Афанасию в те годы пессимизм на судьбу Русской Церкви (он говорил, что «врата ада не одолеют Церковь», но нигде не сказано, что в России), ситуация в стране постепенно начинала меняться для верующих в лучшую сторону. Особенно это стало очевидным с 1943 года, когда правительство под влиянием внешних обстоятельств

¹ Сергия (Ежикова). Указ. соч. С. 168.

² Речь митрополита Сергия на молебне о победе русского воинства 26 июня 1941 года//Страж дома Господня. М., 2003. С. 552.

разрешило возобновить легальное богослужение в некоторых храмах страны. В конечном счете, и митрополит Сергей (Страгородский) и епископ Афанасий (Сахаров) оказались правы в своих оптимистических ожиданиях: война открыла для Православной Церкви возможности, которых у нее не было ранее – участие во внешнеполитической деятельности советского государства.¹ НКВД рассчитывало на использование консолидирующей роли Московской Патриархии в антифашистском движении на Балканах. Это было невозможно без минимальной нормализации церковной жизни. Historики определяют этот период, начавшийся в 40-е как «новый курс» в церковной политике Советского государства.² Последняя крупная репрессивная акция органов в отношении церковного подполья приходится на 15 июля 1944 года, она сопровождалась высылкой в Сибирь около полутора тысяч «истинно-православных христиан».

3.2. Поместный Собор 1943 года. Выборы Патриарха.

С февраля 1942 года в СССР дозволили возобновить работу церковного издательства. В апреле впервые разрешили провести пасхальные крестные ходы в Москве и ряде крупных городов СССР. Государство приняло в 1943 году от верующих средства, собранные ими на оборону страны и публично поблагодарило за это. Радикальные преобразования в жизни Православной Церкви начались после встречи Местоблюстителя митрополита Сергея и двух митрополитов с И.Сталиным в Кремле 5 сентября 1943 года: 8 сентября состоялся архиерейский собор, а 12 сентября – интронизация Патриарха Сергея. За этим последовало возрождение епархий РПЦ и открытие некоторого количества храмов для легальных богослужений. Наконец была решена проблема регистрации приходов и священнослужителей. К лету 1945 года в СССР действовало более 10 000 приходов и около 100 монастырей.

Разумеется, информация о радикальных переменах в церковной жизни доходила в места лишения свободы со значительным опозданием, а подлинная

¹ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. М., 1999. С. 106.

² Беглов А. Указ.соч. С. 123.

ситуация о жизни и гибели священнослужителей в лагерях была неизвестна большинству не только простых христиан, но и иерархам. Митрополит Сергей (Страгородский) представил после встречи в Кремле в 1943 году список из 26 духовных лиц (24 епископа) с ходатайством на освобождение из уз. Как выяснилось, почти все из них к тому времени или умерли, или были казнены. Неизвестна в те годы была судьба митрополитов Кирилла (Смирнова), Петра (Полянского), Иосифа (Петровых) – самых известных иерархов Церкви, тем более отсутствовала информация о менее значимых лицах церковного подполья. Это был один из тактических приемов чекистов, держать в неизвестности живых участников катакомбного движения и последователей митрополита Сергея (Старгородского) для углубления противоречий и разделений внутри Церкви.

Поэтому неудивительно, что епископ Афанасий долгое время не имел достоверной информации о происходящих исторических переменах в жизни православной общины. Он ничего не знал об архиерейском соборе 1943 года, избрании Патриарха Сергея. Только весной 1945 года он решил поминать его о здравии, не зная, что Святейший скончался 15 мая 1944 года!

Предположительно в марте 1945 года святитель узнал об избрании Патриархом Алексия (Симанского) и направил ему поздравительное письмо с просьбой принять в молитвенное общение, с возглавляемой им Церковью. Это был очень важный шаг, потому что середина 40-х годов стала определенным рубежом существования церковного подполья: необходимостью выбора между окончательным уходом на нелегальное положение или признание Московской Патриархии, каноническое воссоединение с ней. На это время епископ Афанасий (Сахаров) оставался одним из немногих архиереев (если не единственным), которых можно было отнести к «непоминающим». Остальные епископы-катакомбники были уничтожены в результате целенаправленных репрессий. Неслучайно, в письме 1955 года он упоминает о том, что его советниками в этом вопросе были священники, а не епископы. Отрицая каноническую власть Патриарха

Алексия I (Симанского), он брал, в этом случае, на себя всю ответственность, как епископ, на структуризацию катакомбной церкви. Но понимая, что Российский Патриарх признан всеми православными поместными Церквями, и его власть не может вызывать никаких сомнений, святитель Афанасий принял единственно верное решение.¹

Кроме этого письма он обратился также к православным общинам, которые считали его своим епископом с соответствующим призывом.² Его точка зрения вызвала неоднозначное отношение. Значительное число последователей вышло из подполья и вернулось в патриархийные храмы. Но было и множество катакомбников, осудивших епископа Афанасия за этот шаг. В 1945 году после признания Патриарха Алексия I святитель Афанасий (Сахаров) почти перестал получать посылки с продуктами в лагерь. При всей строгости советской пенитенциарной системы, запрет на переписку и посылки означал смертный приговор узнику, о котором не сообщали близким. Но такого запрета для епископа Афанасия не было! Люди из его окружения позднее считали это негативной реакцией катакомбного окружения (отказ в продуктовой помощи) на его принципиальный поступок.³ Святитель, безусловно, чувствовал опасность сектантского духа внутри катакомбников. В 1945 г. он писал: «Ревность, хотя бы и не совсем по разуму, – лишь бы она была бескорыстным ревнованием по истине, как, напр., у большинства наших старообрядцев, не останется не оценённой у Того, Кто и намерения целует и расположение хвалит... Только, к великому прискорбию, встречаются

¹ Сергия (Ежикова). Указ. соч. С.175.

² Поспеловский Д. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С.317.

³ О.А. Кавелина (инокиня Серафима), вспоминая о своих встречах с епископом Афанасием (Сахаровым) в начале 50-х в Петушках, говорила: «Они (недовольные его поступком духовные чада – Автор) оставили епископа, беспомощного старца без посылок, которые его кормили в лагере!». Личный архив протоиерея Хижего М.Л., секретаря Комиссии по канонизации месточтимых святых Владимирской епархии (1995-1998). Магнитофонная запись беседы от 28.05. 1998.

ревнителю, у которых ревность переходит в злобу».¹ Именно последние ушли окончательно в подполье, считая таковое нормой.²

Однако большинство церковных подпольщиков услышали призыв владыки к воссоединению с Московскою Патриархией и вернулись в ее храмы. Одна из его духовных чад так описывала эти события: «Мы – дети катакомбной церкви тех лет, когда открылись храмы Троице-Сергиевой Лавры и туда хлынула масса людей, мы смешались с этими толпами и не посмели отделиться от них и усомниться. Мы не рассуждали, не мудрствовали, а приняли изменение вокруг нас как должное и покорились с радостью, посчитав это волей Божией».³

Возвращение из церковного подполья было столь впечатляющим, что органы советской власти на местах не успевали справляться с регистрацией новых общин, уже имевшим подпольного священника. Размах этого движения обычно связывают с позицией епископа Афанасия (Сахарова).

Но самому святителю это не принесло никакого облегчения: на письмо Патриарху он ответа не получил и, несмотря на свою готовность пребывать в послушании, к трудам на благо Церкви, был оставлен в лагерях, а затем под надзором в инвалидном доме до 1954 года. Спустя 10 лет после своего письма Святейшему Патриарху он писал : «Многое в деятельности современных иерархов и священников Русской Церкви вызывает смущение. Но иерархию, возглавляющую в настоящее время Русскую Церковь, признают все восточные патриархи. Если мы отделимся от нашей иерархии, с кем же мы будем в общении, через кого будет наше единение с Единой Святой Вселенской Церковью и со Христом?».⁴

Несмотря на многие разногласия во взглядах на церковную жизнь, положение верующих в СССР, он оставался верным и преданным Православной Церкви архипастырем.

¹ Молитва всех вас спасет. М., 2000. С. 318.

² Беглов.А. Указ. соч. С. 216.

³ Желнавакова М. Письма // Альфа и Омега. 2000.№. 1 (23). С. 269.

⁴ Молитва всех вас спасет. С. 421.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Святителю Афанасию (Сахарову), Промыслом Божиим, проявившим себя в обстоятельствах тяжелейших для Церкви и верующих годы гонений, суждено было сыграть важнейшую роль в преодолении церковных разделений в 20-40-е годы прошлого века. Исторически сложилось так, что практически весь епископат движения «непоминающих» оказался уничтожен репрессивными органами. В середине 40-х годов он был самым известным катакомбным архиереем, чей авторитет признавался в церковном подполье.

Это положение епископ Афанасий (Сахаров) заслужил своим исповедническим подвигом трех десятилетий лагерей, тюрем и ссылок. Юбилейный Собор Русской Православной Церкви 2000 года прославил святителя Афанасия в чине новомучеников и исповедников. Его взгляды на церковную жизнь формировались в дореволюционные годы, время обучения во Владимирской духовной семинарии и Московской духовной академии. Его духовным наставником и преподавателем в период обучения в МДА оказался архиепископ Феодор (Поздеевский), в последствие он из самых бескомпромиссных лидеров движения «непоминающих». Его влияние определило тесные связи епископа Афанасия (Сахарова) с «даниловской» группой подполья. Он активно помогает «даниловцам» в организации нелегальной церковной жизни во Владимирской области.

Однако с конца 20-х годов святитель сближается с Местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Кириллом (Смироновым) и занимает более умеренную позицию в критике митрополита Сергия (Страгородского) и его Синода. Документы этого периода позволяют сделать вывод о том, что на позицию церковного подполья повлияли несколько факторов: масштаб гонений на верующих в СССР в 20-30-е годы; отсутствие достоверной информации у лидеров движения «непоминающих» о происходящих событиях, взглядов и конкретных действий их оппонентов (последователей митрополита Сергия (Страгородского)); активная дезинформация со стороны органов ВЧК-ОГПУ-НКВД, с целью распространения ложных слухов и

замалчивания правды; широкая агентурная сеть карательных органов внутри Церкви; личные отношения и недоверие друг другу участников тех трагических событий.

Важной чертой мировоззрения и деятельности епископа Афанасия (Сахарова) в церковном подполье было его отношение к советской власти. Первоначально, оно было вполне лояльным. Монархические убеждения, которые владыка не скрывал от следственных органов, появляются у него с середины 20-х годов. Существенной чертой его взглядов было неприятие какой-либо политической деятельности, отказ от участия в любых формах антисоветского движения (белогвардейского, зарубежного подполья, антиколхозного движения, коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны). Единственной формой его политического протеста была последовательная аполитичность в отношении СССР. Отказ от поминовения «безбожной власти», любых форм сотрудничества с ней.

Несмотря на то, что епископ Афанасий отчасти разделял некоторые апокалиптические настроения христиан той эпохи, он воздержался и удержал многих других катакомбников от радикальных выводов на историческую действительность, его трезвый взгляд на события не позволил превратить нелегальное положение «непоминающих» в норму. В годы гонений на Церковь он оказался выдающимся организатором подпольной церковной жизни, поэтому Владимир стал местом притяжения для многих катакомбников. Он участвовал в организации богослужений «на дому», совершал многочисленные тайные хиротонии, изготавливал лично церковную утварь для катакомб. По всей видимости, определенную роль сыграло его знакомство со старообрядцами (беспоповцами) и некоторые симпатии к их благочестию. Но он остался ревнителем сохранения уставного богослужения, написав соответствующие последования, которые могли совершаться исключительно мирянами на законных основаниях.

Епископ Афанасий (Сахаров), несмотря на свой духовный авторитет в церковном подполье, был лишен, как принято говорить в миру, лидерских

амбиций, предпочитал вполне православную жизнь по духовному совету. Его убеждения середины 40-х годов, даже пройдя многолетний путь страданий в лагерь и тюрьмах, остались далекими от нетерпимости и радикализма. Все это помогло ему выбрать единственно верный путь к миру и воссоединению в церковной среде, невзирая на осуждение его позиции непримиримыми катакомбниками. В этом заключается его великий вклад в сохранении единства Русской Православной Церкви. В итоге, необходимо признать, что ход исторического процесса по укреплению позиции Русской Православной Церкви в условиях СССР подтвердил правоту курса Патриарха Сергия (Страгородского) на его умеренное сотрудничество с действующей властью. Именно церковная политика Святейшего Патриарха Сергия определила будущее Русской Православной Церкви на десятилетия, позволила сохраниться Православию в условиях беспрецедентных гонений и, в конечном счете, преодолеть внутренние расколы и нестроения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

1. Архив Владимирской Епархии. Фонд епископа Афанасия (Сахарова). (АВЕ.Ф. ЕА (С))
2. Личный архив протоиерея Хижего М.Л., секретаря Комиссии по канонизации месточтимых святых Владимирской епархии (1995-1998).

Опубликованные источники

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 г.г./ Сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994.

Статьи автора

1. Хижий М. Л. , протоиерей. Размышления о церковной политике Патриарха Серги(Страгородского) // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. Издательский дом «Фома». М.,2003, №3. С.120-130.
2. Хижий М. Л. , протоиерей. Патриарх Сергей (Страгородский) и его церковно-политические взгляды. Ч.1.// Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. Издательский дом «Фома». М.,2006, №3. С. 103-111.
3. Хижий М. Л. , протоиерей. Патриарх Сергей (Страгородский) и его церковно-политические взгляды. Ч.2.// Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. Издательский дом «Фома». М.,2007, №2. С. 140-148.
4. Хижий М. Л. , протоиерей. Патриарх Сергей (Страгородский) и его церковно-политические взгляды. Ч.3. // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. Издательский дом «Фома». М.,2007, №2.С. 103-112.

5. Хижий М. Л. Епископ Афанасий (Сахаров) и «движение непоминающих» в годы Великой отечественной войны // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 2 (22). С. 92-99.
6. Хижий М.Л., Диесперов В.Б. Возникновение «движения непоминающих» в 1927 -1945 гг. в Православной церкви // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 4 (16). С. 96-102.
7. Хижий М. Л. Декларация 1927 года и «движения непоминающих» в Православной церкви.// Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 2 (30). С. 103 -110.

Литература

1. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991.
2. Афанасий (Селичев), игумен. Движение «непоминающих» как среда духовного становления отца Александра Меня. Выступление на V Меневских чтениях: «Протоиерей Александр Мень и его время», Сергиев Посад, 9-10 сентября 2010 г. Машинопись. – 5 с.
Афанасий (Селичев), игумен. Епископ Афанасий (Сахаров) как хранитель церковных традиций в период гонений // Меневские чтения, 2006. Ежегодное научное издание. Сергиев Посад, 2007. С. 60-82.
3. Афанасий (Селичев), игумен. Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник, в его отношении к старообрядцам //Свет Невечерний. Журнал Владимирской епархии РПЦ (МП). 2007. № 13. С. 54
4. Афанасий (Селичев), игумен. Эпистолярное творчество епископа Афанасия (Сахарова) как форма духовного просветительства в годы гонений. Выступление на VII Меневских чтениях: «Церковное просветительство: вчера и сегодня», Сергиев Посад, 9-10 сентября 2012 г. Машинопись. – 5 с.
5. Бабкин М. Всероссийский выбор. НГ-Религии. 2009. 26 января.
6. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.
7. Варфоломей (Минин), иеромонах. Владимирская епархия в годину гонений // Свет Невечерний. 2003.№1. С. 30-35.

8. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. М., 1999.
9. Глазов С. Два портрета// Вестник РХД, 1972, №106. С.492 -499.
10. Григорий (Граббе), епископ. Русская Церковь перед лицом господствующего зла. М., 1993.
11. Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. В 7 книгах. Тверь, 1992-2003.
12. Житие святителя Афанасия, епископа Ковровского, исповедника и песнописца. Владимир: Богородице-Рождественский монастырь, 2002.
13. Желнавакова М. Письма // Альфа и Омега. 2000. №. 1 (23). С. 262-271.
14. Журавский А.В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004.
15. Журавский А.В. К вопросу о классификации оппозиционных движений и групп митрополиту Сергию (Страгородскому) // Материалы конференции «История Русской Православной Церкви в XX веке (1917-1933 гг.)». Петрозаводск, 2002. С. 350-383.
16. Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. Самара, 1997.
17. «Какое великое утешение – вера наша!» Избранные письма свт. Афанасия (Сахарова). М., 2012.
18. Кашеваров А.Н. Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви. 1917 – 1945 гг. СПб., 1995.
19. Косик О. В. Из истории Владимирской епархии (1917-1923 гг.) // Богословский сборник. Вып. VI. М.: Изд-во ПСТБИ, 2000. С. 26-75.
20. Кравецкий А.Г. Святитель Афанасий и его время // Афанасьевский сборник. Вып. I. Шуя, 2011. С. 7-25.

21. Кравецкий А.Г. Святитель Афанасий Ковровский: библиографический очерк. Владимир, 2012.
- 22.Кривова Н.А. Власть и Русская Православная Церковь в 1922 -1925 гг.: политика ЦК РКП(б) по отношению к религии и церкви и ее осуществление органами ГПУ. М., 1998.
- 23.Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996.
- 24.Магер Н.П. Афанасий Сахаров– епископ Ковровский. Проблемы исследования жития святых. // Афанасьевский сборник. Вып. I. Шуя, 2011.С. 73-80.
- 25.Мазырин А., священник. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви.в 1920-1930-х годах. М., 2006.
- 26.Мазырин А., священник. «Духовный собор» епископов и вопрос о тайных выборах Патриарха в 1926 году //Вестник ПСТГУ.Вып.2 (45). 2012. С.20-43.
- 27.Мартынова С. А. Богослужбное слово в наследии Владыки Афанасия (Сахарова) // Афанасьевский сборник. 2007. Вып. I. С. 51-56.
- 28.Митрофанов Г., протоиерей. История Русской Православной Церкви: 1900 - 1927. СПб., 2002.
- 29.Митрофанов Г., священник. Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920–1927 гг. СПб., 1995.
- 30.Молитва всех вас спасёт: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., предисл. и прим. О. В. Косик. – М.: Изд-во ПСТБИ, 2000.
- 31.Морохин Г., протоиерей. Проблема канонизации новомучеников Российских на примере святителя Афанасия (Сахарова) // Афанасьевский сборник. Шуя, 2011. Вып. I. С. 57-51.
- 32.Одинцов М.И. Государство и церковь: история взаимоотношений. 1917-1938 гг. М., 1991.

- 33.Одинцов М. И. Русская Православная Церковь в XX веке: История, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002.
- 34.Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД в боях за советскую власть. Иваново, 1979.
- 35.Польский М., прот. Современное состояние Православной Церкви в СССР. Нью-Йорк, 1946.
- 36.Польский М., прот. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948.
- 37.Последнее следственное дело архиепископа Феодора (Поздеевского). М., 2004.
- 38.Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996.
- 39.Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви: 1917 -1945. М., 1996.
- 40.Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 год. СПб., 2008.
- 41.Сергия (Ежикова), инокия. Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец. Сергиев Посад, 2003.
- 42.Собрание писем святителя Афанасия (Сахарова). М., 2001.
- 43.Ставровская Е. В.Святитель Афанасий (Сахаров) и Шуя // Афанасьевский сборник. Вып. I. С. 69-72.
- 44.Степанов (Русак) В., протодиакон. Свидетельство обвинения: в 3 т. М., 1993.
- 45.Страж Дома Господня: Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). М., 2003.
- 46.Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Пг., 1924.
- 47.Фирсов С.Л. Власть и верующие: из церковной истории начала 1920-х гг.// Нестор. 2000. №5 1. С. 211
- 48.Фирсов С.Л. Власть и огонь. Церковь и советское государство: 1918 – начало 1940-х гг. М., 2014.
- 49.Фирсов С.Л. Время в судьбе: Святейший Сергей, Патриарх Московский и всея Руси: К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 1999.

- 50.Хижий М., протоиерей. Патриарх Сергей (Страгородский) и его церковно-политические взгляды //Альфа и Омега. 2007. № 2 (49). С.140-147.
- 51.Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви: 1917-1990. М., 1997.
- 52.Шкаровский М.В. Влияние Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 годов в советскую эпоху. // Церковь и время. 2003. № 4. С. 167-175.
- 53.Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999; Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999;
- 54.Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005.
- 55.Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2005.